

Фрейлина поневоле

18+

Алексей Фирсов
Фрейлина поневоле

«Автор»

2026

Фирсов А.

Фрейлина поневоле / А. Фирсов — «Автор», 2026

Еще вчера я была успешным дизайнером интерьеров в Москве 21 века. А сегодня очнулась в теле княжны Анны Одоевской — любимой, но безнадежно больной фрейлины самой Екатерины Великой. Врачи пророчили мне скорую смерть, двор уже делил мои драгоценности, но не тут-то было! Я выжила, и теперь мне предстоит заново учиться носить корсеты, плести интриги и выживать в Зимнем дворце. Все бы ничего, если бы не пронзительный взгляд графа Куракина. Он опасен, дьявольски хитер и слишком близко ко мне подбирается. Он подозревает, что я — не та, за кого себя выдаю. Но я докажу этому самоуверенному аристократу, что современные девушки умеют играть по-крупному!

© Фирсов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Фирсов

Фрейлина поневоле

Глава

Фрейлина поневоле

Еще вчера я была успешным дизайнером интерьеров в Москве 21 века. А сегодня очнулась в теле княжны Анны Одоевской — любимой, но безнадежно больной фрейлины самой Екатерины Великой. Врачи пророчили мне скорую смерть, двор уже делил мои драгоценности, но не тут-то было! Я выжила, и теперь мне предстоит заново учиться носить корсеты, плести интриги и выживать в Зимнем дворце. Все бы ничего, если бы не пронзительный взгляд графа Куракина. Он опасен, дьявольски хитер и слишком близко ко мне подбирается. Он подозревает, что я — не та, за кого себя выдаю. Но я докажу этому самоуверенному аристократу, что современные девушки умеют играть по-крупному!

Глава 1. Пробуждение в бархатной клетке.

Последнее, что врезалось в мою память — ослепительный свет фар встречного грузовика, оглушительный визг тормозов и звук сминающегося металла, от которого кровь стыла в жилах. А потом наступила темнота. Густая, всепоглощающая, холодная. Я думала, что это конец. Логичный, хоть и страшно несправедливый финал для двадцатитрехлетней Алисы, чья карьера дизайнера интерьеров в Москве только-только пошла в гору.

Но вместо стерильной белизны реанимации и писка приборов, мое сознание начало выплывать из небытия сквозь густой, удушливый запах. Пахло не хлоркой и не медикаментами. Это был тяжелый, старомодный аромат: смесь плавящегося пчелиного воска, сушеных трав, камфоры и каких-то приторных, душистых цветочных духов, от которых мгновенно запершило в горле. Воздух в помещении казался спертым, неподвижным, словно его не проветривали целую вечность.

Я с трудом разлепила веки. Ресницы казались свинцовыми, а голова раскалывалась так, будто по ней методично били кувалдой.

Свет ударил по глазам, но это был не резкий электрический свет ламп, а мягкое, дрожащее золотистое свечение множества свечей. Проморгавшись, я попыталась сфокусировать зрение. Надо мной нависал не гладкий больничный потолок, а нечто невообразимое. Тяжелые складки бордового бархата, расшитые потускневшей от времени золотой нитью, сходились куполом прямо над моей головой. Балдахин. Настоящий, мать его, балдахин, украшенный массивными кистями, которые слегка покачивались от едва уловимого сквозняка.

«Где я? В каком-то тематическом отеле? Или это бред воспаленного мозга в коме?» — мысли ворочались тяжело, словно шестеренки в заржавевшем механизме.

Я попыталась пошевелиться. Тело отозвалось странной слабостью, но не было ни боли от переломов, ни тяжести гипса. Только невероятная, пугающая легкость, граничащая с невосможностью. Одеяло, укрывавшее меня до самого подбородка, было тяжелым, стеганным, из гладкого атласа, подбитого мехом. Жарко. Невыносимо жарко.

Я с трудом выпростала руку из-под одеяла и замерла, уставившись на нее так, словно видела впервые. Впрочем, так оно и было. Это была не моя рука. Мои пальцы, привыкшие к стилю графического планшета, всегда были короткими, с аккуратным аппаратным маникюром. А сейчас перед моим лицом дрожала в свете свечей узкая, аристократичная кисть. Кожа — белая до синевы, почти прозрачная, сквозь которую явственно проступала тонкая паутинка вен. Длинные, изящные пальцы с миндалевидными ногтями без капли лака.

Сердце пропустило удар, а затем сорвалось в бешеный галоп, ударяясь о ребра, как пойманная птица.

— Господи Иисусе... — раздался внезапно тихий, сдавленный хрип где-то сбоку.

Я с трудом повернула голову на залитой потом подушке. В нескольких шагах от огромной кровати стояла девушка. На ней было длинное, глухое серое платье из грубой шерсти, белый передник и странный крахмальный чепец, полностью скрывающий волосы. В руках она держала серебряный поднос с какой-то дымящейся пиалой.

Девушка смотрела на меня так, словно перед ней разверзлись врата ада. Ее лицо, усыпанное бледными веснушками, вытянулось и приобрело пепельно-серый оттенок. Губы беззвучно шевелились, а в широко распахнутых карих глазах плескался такой первобытный ужас, что мне самой стало не по себе.

— Воды... — попыталась сказать я, но из пересохшего горла вырвался лишь жалкий шелест. Голос тоже был чужим. Более высоким, нежным, сорванным.

Этот звук стал для служанки последней каплей. Ее пальцы разжались. Серебряный поднос с грохотом полетел на пол. Пиала разбилась вдребезги, обдав паркет темной, пахнущей пылью жижей.

— Свят, свят, свят! — заголосила девка, истово крестясь и пятясь к массивным двустворчатым дверям. — Покойница очи отверзла! Матушка заступница! Лекаря! Зовите лекаря! Ее Сиятельство очнулись!

Она развернулась и, путаясь в длинных юбках, с визгом выбежала из комнаты, оставив двери распахнутыми настезь.

«Ее Сиятельство? Покойница?»

Паника, холодная и липкая, змеей поползла вдоль позвоночника. Я должна встать. Я должна понять, что происходит. Сбросив тяжелое одеяло, я опустила ноги с высокого матраса. Босые ступни коснулись мягкого, густого ворса персидского ковра. Комната закружилась перед глазами, мне пришлось вцепиться тонкими пальцами в резной деревянный столбик кровати, чтобы не упасть.

Дыши, Алиса. Просто дыши.

Сделав несколько глубоких вдохов, я заставила себя оглядеться. Как дизайнер, я не могла не оценить масштаб. Это была не просто спальня, это были настоящие дворцовые покои. Невроятно высокие потолки с богатой лепниной в виде пухлых амуров и цветочных гирлянд, щедро покрытых позолотой. Стены обтянуты изумрудным шелком с дамасковым узором. В углу высилась огромная изразцовая печь с расписными голландскими плитками, от которой исходил тот самый удушающий жар. А у противоположной стены стоял массивный туалетный столик из красного дерева, над которым возвышалось огромное зеркало в вычурной золоченой раме, потемневшее по краям от времени.

Именно к нему меня тянуло как магнитом. Шатаясь, цепляясь за спинки бархатных кресел и край столешницы, я преодолела эти несколько метров, казавшиеся сейчас марафонской дистанцией.

Я подошла к зеркалу. И мир вокруг меня окончательно рухнул, разлетевшись на миллион сверкающих осколков.

Из глубины мутноватого венецианского стекла на меня смотрела незнакомка. Идеальная, фарфоровая, нездешняя красота, тронутая печатью тяжелой болезни. У меня перехватило дыхание от того, насколько она была прекрасна в своей болезненной хрупкости. Огромные, в пол-лица, глаза цвета влажных фиалок смотрели на меня с таким же шоком, какой испытывала я сама. Они были обрамлены густыми, темными ресницами, создающими резкий контраст с алебастрово-белой кожей. Под глазами залегли глубокие сиреневые тени — следы долгой лихорадки.

Губы — пухлые, капризно изогнутые, сейчас они были искусаны почти в кровь, горя ярким пятном на бледном лице. А волосы... Густая, тяжелая волна пепельно-русых волос спадала на плечи и спину, спускаясь ниже талии. Они растрепались, спутались, но все равно выглядели как шелковый водопад.

На мне была лишь тончайшая батистовая сорочка, обильно украшенная брюссельскими кружевами на вороте и манжетах. Ткань была настолько деликатной, что сквозь нее откровенно просвечивали острые ключицы, хрупкие плечи и высокая, упругая грудь с потемневшими от холода (или от волнения?) сосками. Это тело было юным, стройным, совершенным. И оно было... моим.

Я подняла дрожащую руку и коснулась впалой щеки. Девушка в зеркале повторила мой жест. Кожа была горячей, влажной. Я провела пальцами по тонкой шее, нащупывая бешено бьющийся пульс. Живая. Я живая. Но кто я теперь?

Оторвавшись от своего нового лица, я шаткой походкой направилась к высокому окну, наполовину занавешенному тяжелыми портьерами. Окно было двойным, с толстыми деревянными рамами, нижняя часть стекол затянута сложным, невероятно красивым морозным узором.

Я прижалась горячим лбом к ледяному стеклу и посмотрела на улицу.

То, что я увидела, заставило меня забыть, как дышать. Передо мной раскинулся город из сказки, из учебников истории, которые я так любила листать в детстве. Широкая, закопанная в толстый лед река, по которой, прокладывая санные пути, двигались крошечные фигурки лошадей и людей. На противоположном берегу возвышались величественные дворцы с колоннами и лепниной, шпиль Петропавловской крепости, вонзающийся в бледно-голубое, пронзительно-холодное зимнее небо. Солнце стояло низко, заливая заснеженные крыши искрящимся розовым светом.

Внизу, по заснеженной площади, проехала изящная карета на полозьях, запряженная четверкой лошадей. Кучер в длинном тулупе взмахнул кнутом.

Никаких машин. Никаких высоток из стекла и бетона. Никакого шума мегаполиса XXI века.

Петербург. Век восемнадцатый. Эпоха кринолинов, дуэлей, дворцовых переворотов и фаворитов. Эпоха великой Екатерины.

В коридоре послышался топот множества ног, взволнованные голоса и шуршание платьев. Двери моей спальни распахнулись с такой силой, что ударились о стены.

В комнату буквально ворвался невысокий, полноватый мужчина средних лет. На нем был щедро напудренный парик с буклями по бокам, из-под которого выбивались капельки пота, и роскошный темно-синий бархатный камзол с серебряным шитьем. В руках он судорожно сжимал кожаный саквояж. За его спиной толпились перепуганные служанки, вытягивая шеи, чтобы заглянуть в спальню.

Мужчина замер, увидев меня у окна. Его лицо, до этого багровое от быстрого бега, на глазах начало приобретать сероватый оттенок. Он судорожно сглотнул, кадык на его шее дернулся поверх белоснежного кружевного жабо.

— Княжна... Анна Александровна... — прошептал он, и его голос сорвался, дрогнув. Он сделал неуверенный шаг вперед, словно боясь, что я растаю в воздухе. — Ваше Сиятельство... Но как? Это невозможно! Вчера вечером у вас началась агония, пульс едва прощупывался... Я сам послал вестника к Ее Императорскому Величеству, чтобы сообщить, что ее любимая фрейлина не доживет до рассвета...

Он вытащил из кармана камзола белоснежный платок, пропитанный запахом табака и какого-то терпкого одеколона, и промокнул лоб. Его руки тряслись так сильно, что саквояж едва не выпал на пол.

— Чудо... Истинное чудо Господне! — выдохнул лекарь (а это, несомненно, был он), подходя ближе. — Сама Государыня Екатерина Алексеевна молилась за ваше здравие в дворцовой церкви! Вы должны немедленно лечь в постель, княжна! Сквозняки убьют вас вернее лихорадки!

Он суетился, махал руками на притихших служанок, приказывая им нести горячие камни, бульон и свежие рубашки.

А я стояла, обхватив себя руками за тонкие плечи, и смотрела на этого комичного, перепуганного человека. Мой мозг, наконец-то преодолев стадию шока и отрицания, начал работать с пугающей ясностью.

Анна Александровна. Фрейлина. Любимица Императрицы. Умиравшая, которая вдруг чудесным образом воскресла, чтобы уступить свое тело мне — Алисе из Москвы 2024 года.

Я не знаю, по какой прихоти судьбы или какой магической ошибке меня забросило в это роскошное, затянутое в корсеты, пропитанное интригами и ядами время. Но я точно знала одно: я выжила в страшной аварии в своем мире не для того, чтобы умереть от сквозняка или придворных козней в этом.

Я медленно отошла от окна и, распрямив спину с такой гордостью, на которую только было способно это слабое тело, посмотрела прямо в глаза лекарю.

— Я не собираюсь умирать, Карл Богданович, — произнесла я, слегка удивившись тому, как властно и холодно прозвучал мой новый голос. (Я не знала его имени, но почему-то была уверена, что угадала типаж). — Помогите мне лечь. У меня впереди еще слишком много дел.

Лекарь изумленно моргнул, явно не ожидая такого тона от кроткой, умирающей фиалки, которой, видимо, была Анна до этого утра. В его глазах мелькнуло смятение, но он тут же бросился выполнять приказ.

Опускаясь на свежие и теплые простыни, я закрыла глаза. Игра началась. Моя новая, безумная, невероятная жизнь началась. И я намеревалась сыграть в нее по своим правилам.

Глава 2. Память как чистый лист и кружевная броня

Суэта вокруг моей персоны поднялась невообразимая. Стоило мне только опуститься на подушки, как спальня наполнилась людьми, звуками и новыми, не всегда приятными запахами. Служанки, шурша накрахмаленными нижними юбками, сновали туда-сюда: одни тащили медные тазы с горячей водой, другие грели у печи пушистые полотенца, третьи суетливо поправляли сбившийся балдахин, стараясь не встречаться со мной взглядом. Видимо, мое воскрешение все еще казалось им происками лукавого.

Лекарь, Карл Богданович — как оказалось, я чудом угадала не только его профессию, но и имя, выудив его из обрывков то ли чужой памяти, то ли школьных уроков истории — кружил надо мной коршуном. Он щупал пульс, прикладывая холодные, пахнущие спиртом пальцы к моему лбу, заглядывал в глаза и безостановочно бормотал что-то на смеси русского и немецкого.

— Поразительно... Температура в норме. Дыхание чистое, хотя еще вчера в груди кололо, — он покачал головой, поправляя съехавший набок парик. — Ваше Сиятельство, вы помните, что с вами произошло? Вы помните, как вас привезли с бала в Царском Селе неделю назад?

Я поняла: это мой шанс. Идеальный, классический, затертый до дыр в книгах, но единственно верный в моей ситуации спасательный круг. Амнезия.

Я медленно прикрыла глаза, изображая слабость, хотя на самом деле внутри меня все звенело от напряжения.

— Карл Богданович... — я нарочно сделала голос тише, позволив ему слегка дрогнуть. — Все как в тумане. Я помню... обрывки. Свет. Холод. А потом — темнота.

Я приоткрыла глаза и посмотрела на него самым беспомощным и потерянным взглядом, на который была способна. В конце концов, я не актриса, но жить захочешь — еще и не так сыграешь.

— Моя голова... она словно пустая. Я помню свое имя, помню, что служу Государыне, но многие лица, события последних месяцев... они ускользают от меня, как вода сквозь пальцы. Кто был со мной на балу? Почему мне стало так плохо?

Лицо лекаря вытянулось, он сочувственно зацокал языком, промокая лоб своим неизменным платком.

— Ах, бедняжка! Это все последствия жесточайшей горячки, — он ласково, но с почтительным расстоянием похлопал по краю моего одеяла. — Мозг защищается от пережитого потрясения. Вы подхватили злую простуду, гуляя по парку без теплой накидки. А ваша природная хрупкость и тоска по батюшке с матушкой ослабили организм. Не тревожьтесь, княжна Анна. Память вернется. Главное — вы живы! Сама Екатерина Алексеевна души в вас не чает, она прислала лучших докторов, но мы были бессильны. Это чудо, не иначе.

Значит, сирота. Богатая, судя по обстановке, приближенная к самой Императрице сирота. Что ж, отсутствие строгих родителей-аристократов, которые могли бы раскусить подмену дочери, значительно облегчало мою задачу.

— Спасибо вам за заботу, — я благодарно улыбнулась уголками губ. — Но я чувствую себя такой грязной после болезни. Я бы хотела... привести себя в порядок.

Лекарь встрепенулся, торопливо закивал и, дав еще десяток наставлений служанкам о бульонах и отварах, наконец-то покинул спальню. Стоило тяжелым дверям закрыться за его спиной, как я с облегчением выдохнула. Первый экзамен сдан.

Ко мне робко приблизилась молоденькая девушка с теми самыми бледными веснушками, которая первой обнаружила мое пробуждение.

— Барышня, дозвольте обмыть вас? — ее голос дрожал. — Я Дарья, ваша сенная девка. Вода согрета, мыло с розовым маслом, как вы любите, я приготовила.

— Да, Даша. Пожалуйста, — мягко ответила я, садясь на кровати.

Процесс купания в восемнадцатом веке оказался тем еще квестом. Никаких тебе душевых кабин с тропическим ливнем. Посреди комнаты, на расстеленных льняных простынях, установили огромную медную лохань, по форме напоминающую кресло. Воду туда носили ведрами, разбавляя кипятком холодной водой из кувшинов.

Когда с меня сняли пропитанную потом сорочку, я поежилась, но не от холода, а от непривычного чувства незащитности. Однако погружение в теплую воду, благоухающую натуральной розой, оказалось блаженством. Дарья орудовала мягкой натуральной губкой, смывая с моего нового тела следы долгой болезни. Я же в это время украдкой изучала себя.

Кожа была идеальной. Ни единого изъяна, ни шрамика, ни растяжки. Грудь — высокая, правильной формы, талия до невозможного тонкая, а бедра округлые и женственные. Тело юной богини, не знавшее тяжелого физического труда и фастфуда. Волосы, когда их промыли специальным травяным настоем, оказались такими тяжелыми, что оттягивали голову назад.

После ванны меня тщательно растерли пушистыми полотенцами, натерли кожу ароматным миндальным маслом, которое мгновенно впиталось, оставляя после себя тонкий, волнующий шлейф, и облачили в чистую нижнюю рубашку из тончайшего льна.

— А теперь, Даша, покажи-ка мне мои платья, — скомандовала я, чувствуя, как вместе с чистотой ко мне возвращается уверенность.

Служанка удивленно моргнула — видимо, прежняя Анна не отличалась таким командирским тоном, — но послушно бросилась к массивным двустворчатым шкафам, занимавшим целую стену гардеробной комнаты, смежной со спальней.

Когда дверцы распахнулись, у меня, как у дизайнера и визуала, буквально перехватило дух. Это была сокровищница. Нет, это была пещера Али-Бабы, только вместо золотых монет здесь висели произведения искусства из шелка, бархата, тафты и парчи.

Я медленно вошла в гардеробную, проводя кончиками пальцев по прохладным тканям. Глубокий сапфировый бархат, расшитый серебряными звездами; нежный персиковый шелк с обилием кружев на лифе; тяжелая изумрудная парча, способная стоять колом без всякой поддержки. Цвета были насыщенными, глубокими, ткани — баснословно дорогими.

— Боже мой... — вырвалось у меня.

— Ваше любимое, — Дарья выудила из недр шкафа платье невероятного небесно-голубого оттенка. Ткань мерцала в свете свечей, как водная гладь. Лиф был щедро украшен жемчугом, а рукава заканчивались пенными водопадами брабантских кружев.

— Это шедевр, — искренне восхитилась я, мысленно прикидывая, сколько бы такой наряд стоил в наше время. Миллионы.

— Желаете примерить, барышня? — робко предложила служанка, заметив мой горящий взгляд. — Вам бы встать на ноги, размяться. Лекарь сказывал, хворь ушла.

— Желаю, — решительно кивнула я.

Но моя решимость дала трещину ровно в тот момент, когда передо мной появилось это. Корсет. Жесткая конструкция из плотной ткани, прошитая настоящим китовым усом.

— Только не затягивай слишком туго, я еще слаба, — предупредила я, когда Дарья ловким движением обернула эту пыточную конструкцию вокруг моей талии.

— Как прикажете-с, барышня, — отозвалась служанка, и в следующее мгновение из моих легких разом выбило весь воздух.

Я охнула, хватаясь за край туалетного столика. Ребра безжалостно сдавило, грудь приподнялась, образовав соблазнительную, но совершенно некомфортную ложбинку. Дышать пришлось коротко и часто, ключицами.

— Даша... — прохрипела я. — Ослабь. Я же просила.

— Так я ж и не тянула почитай, Анна Александровна! — испуганно пискнула девка, чуть ослабляя шнуровку. — Вы ж всегда велели до шестнадцати дюймов тянуть, чтоб талия рюмочкой была. А сейчас почитай восемнадцать оставила!

Восемнадцать дюймов. Это чуть больше сорока пяти сантиметров. Я содрогнулась, представив, как эта хрупкая девочка добровольно калечила свои внутренние органы ради придворной моды.

— Оставь двадцать, — безапелляционно заявила я. — Если я снова упаду в обморок от нехватки кислорода, лекарь тебе голову оторвет.

Дальше последовали фижмы — специальные подушечки и каркасы на бедра, чтобы придать юбке нужный колоколообразный силуэт. И только потом — само платье. Тяжелое, шуршащее, оно легло на мои плечи броней.

Когда процесс одевания, занявший почти час, был завершен, Дарья подвела меня к большому зеркалу-псише.

Я смотрела на себя и не верила своим глазам. Из зеркала на меня взирала не современная москвичка Алиса, вечно спешащая на объекты в джинсах и кроссовках. На меня смотрела истинная аристократка. Холодная, величественная, недосыгаемая. Голубой шелк подчеркивал невероятный цвет глаз, делая их ярче, глубже. Корсет, хоть и мешал дышать, выпрямил спину, заставляя держать идеальную осанку и гордо вскинуть подбородок.

Я медленно подняла руку, поправив кружево на глубоком декольте, открывающем ровно столько, чтобы свести мужчину с ума, но не перейти грань приличий. В этом времени женщина была закована в условности, как в этот самый корсет. Но вместе с тем, она владела мощнейшим оружием — красотой, интригой, слабостью, за которой скрывалась стальная воля.

Я улыбнулась своему отражению. Улыбка получилась хищной, знающей.

Дверь в спальню тихонько приоткрылась, и на пороге появилась пожилая, дородная женщина в темном платье — видимо, старшая горничная или дуэнья.

— Ваше Сиятельство, — она низко присела в реверансе, с изумлением глядя на мой цветущий вид. — Слава Всевышнему, вы на ногах.

— В чем дело, Прасковья? — имя само сорвалось с языка, услужливо подоброщенное памятью тела.

— Посыльный от Ее Императорского Величества, — женщина благоговейно понизила голос. — Государыня извещена о вашем чудесном исцелении. Завтра пополудни она ожидает вас в своих личных покоях.

Мое сердце сделало кульбит и замерло. Екатерина Вторая. Великая. Самая могущественная женщина Империи. И завтра мне предстоит смотреть ей в глаза и доказывать, что я — это я. Вернее, что я — это Анна.

Я расправила плечи, чувствуя, как корсет врезается в ребра, и медленно кивнула.

— Передай посыльному, что я буду.

Слабость ушла. Настало время учиться играть по-крупному в самом опасном казино мира — при дворе Российской Империи. И ставкой в этой игре будет моя жизнь.

Глава 3. Золотая клетка и пудренные маски

Ночь прошла в полузабытьи. Я то проваливалась в тревожный, липкий сон, где меня преследовали визги тормозов и слепящие фары, то выныривала в душную реальность восемнадцатого века, пугаясь теней от свечей-ночник, пляшущих на бархатном балдахине. Лишь под утро мне удалось уснуть по-настоящему, а разбудил меня деликатный, но настойчивый звон фарфора.

— Доброе утро, Ваше Сиятельство, — проворковала Дарья, ставя на прикроватный столик изящный поднос. — Изволите откушать?

Я села, потирая виски. Голова была ясной, тело, хоть и слабое, больше не казалось ватным. Я с любопытством заглянула на поднос. Мейсенский фарфор, серебряные приборы, тончайшие льняные салфетки. На тарелочке возвышалась горка свежайшей, горячей выпечки, источающей аромат ванили и сливочного масла, а в пузатой чашке дымился густой, темный напиток.

— Горячий шоколад, Анна Александровна, — пояснила служанка, заметив мой взгляд. — Как вы любите. С миндалем и щепоткой перца.

Я сделала осторожный глоток. Напиток оказался божественным — терпким, в меру сладким, согревающим нутро. В моем времени такой подавали разве что в самых дорогих кофейнях. Откусив кусочек тающего во рту круассана (или как эта выпечка называлась здесь?), я прикрыла глаза от удовольствия. Роскошная жизнь определенно имела свои плюсы.

Но расслабляться было рано. Настенные часы с маятником пробили десять, напоминая о грядущем испытании.

— Даша, — я отставила полупустую чашку. — Зови горничных. Мне нужно собраться. Аудиенция у Государыни не терпит промедлений.

Если вчерашнее переодевание показалось мне изощренной пыткой, то утренняя подготовка к выходу в свет стала настоящей военной кампанией. Оказалось, что для личной встречи с Императрицей недостаточно просто надеть красивое платье. Требовалось создать образ — безупречный, продуманный до мелочей. Образ преданной, едва оправившейся от страшной болезни фрейлины, чья хрупкость должна была вызвать у Екатерины сочувствие, а красота — радовать глаз.

В спальню впорхнул самый настоящий француз-куафер — щуплый, манерный мужчина с напудренным париком и целым арсеналом шипцов, гребней и баночек.

— О, ма шер! Ваша чудесная головка! — защebetал он, порхая вокруг меня, пока служанки усаживали меня перед зеркалом.

Следующий час я провела стиснув зубы. Мои густые, длинные волосы безжалостно начесывали, заливали густой, пахнущей фиалками помадой, накручивали на горячие щипцы, которые грели прямо здесь же, на специальной жаровне. Запах паленых волос смешивался с ароматами цветочных эссенций. Затем наступил этап пудры. Меня укрыли плотным пеньюаром, выдали специальную конусообразную маску из картона, чтобы защитить лицо, и куафер принялся щедро осыпать мою прическу мельчайшей рисовой пудрой, взбивая белое облако специальной пуховкой.

Когда я, наконец, смогла опустить маску и откашляться, из зеркала на меня смотрела совершенно другая женщина. Высокая, сложная прическа, увенчанная жемчужной нитью, делала меня старше, строже и... невероятно элегантной. Белая пудра на волосах удивительным образом подчеркивала молодость и свежесть лица, оттеняя фиалковый цвет глаз.

— Идеально, мсье Анри, — величественно кивнула я, и француз, рассыпавшись в комплиментах, удалился.

Настала очередь макияжа. Никаких нюдовых оттенков и легких текстур. Кожу щедро выбелили специальными свинцовыми белилами (я мысленно содрогнулась, вспомнив статьи о токсичности косметики тех времен, и дала себе слово найти безопасную замену), на скулы нанесли яркие, почти кукольные румяна, а губы тронули карминовой помадой. Последним штрихом стали мушки — крошечные кусочки черного бархата.

Прасковья, старшая горничная, со знанием дела прикрепила одну мушку над верхней губой.

— Мушка «кокетка», Ваше Сиятельство, — пояснила она, заметив мой вопросительный взгляд. — Для легкого игривого настроения, как раз чтобы показать Государыне, что вы идете на поправку.

Затем последовало облачение в платье. На этот раз я выбрала наряд из жемчужно-серого шелка, расшитого тусклым серебром. Оно не кричало о роскоши, как сапфировый бархат, но струилось и переливалось при каждом движении, создавая образ эфирного создания, почти призрака, вернувшегося с того света. Тяжелый шлейф, глубокое декольте, обрамленное пеной кружев, и неизменный, безжалостный корсет, стянувший талию.

На шею Прасковья застегнула бархотку с крупным каплевидным бриллиантом.

Я встала перед зеркалом, опираясь на трость с серебряным набалдашником — атрибут, который я затребовала сама, ссылаясь на слабость в ногах. На самом деле трость придавала мне уверенности и делала образ более драматичным.

— Вы прекрасны, княжна, — прошептала Дарья, утирая выступившую слезу умиления. — Словно ангел небесный.

— Надеюсь, Императрица тоже так решит, — сухо ответила я. — Пора.

Выход из моих покоев в коридоры Зимнего дворца оказался сродни выходу на театральную сцену. Едва я переступила порог, опираясь на руку Прасковьи и постукивая тростью, как на меня обрушился масштаб этого мира.

Бесконечные анфилады залов, залитые светом из огромных окон. Начищенный до зеркального блеска наборный паркет, по которому скользили мои атласные туфельки. Изобилие золота, мрамора, малахита и хрусталя давило своим величием. Здесь каждый квадратный метр кричал о безграничной власти и богатстве Империи.

Двор жил своей жизнью. Мимо сновали лакеи в расшитых ливреях, статные гвардейцы в зеленых мундирах, придворные дамы в необъятных фижмах, кавалеры в пудренных париках и камзолах всех цветов радуги. Гул голосов, смех, шуршание шелка и стук каблуков сливались в единую симфонию светской жизни.

Но стоило мне появиться в коридоре, как эта симфония начала стихать. Словно круги по воде, от меня расходилась волна потрясенного шепота.

— Княжна Одоевская... — Не может быть! Я сам видел, как лекарь крестился у ее дверей... — Выглядит бледной, но какой взгляд... — Ведьма, не иначе. Как можно оправиться от такой горячки за ночь?

Я шла сквозь этот строй жадных, липких взглядов с прямой спиной. Мое лицо оставалось непроницаемым, легкая полуулыбка застыла на губах, но внутри все сжималось в тугий узел. Я чувствовала себя канатоходцем, идущим над пропастью без страховки. Стоит мне оступить, показать неуверенность — и этот блестящий, напудренный серпентарий разорвет меня на куски.

Один молодой офицер, с залихватски закрученными усами, слишком откровенно уставился на мое декольте. Я остановилась, медленно повернула голову и посмотрела на него в упор. Холодно. Высокомерно. Так, как смотрела на нерадивых подрядчиков, сорвавших сроки сдачи объекта. Офицер стушевался, покраснел до корней волос и поспешно отвесил глубокий поклон, смешавшись с толпой.

— Вы сегодня необычайно строги, Ваше Сиятельство, — тихо заметила Прасковья, поддерживая меня под локоть.

— Я сегодня жива, Прасковья. И это многим не дает покоя, — процедила я сквозь зубы, продолжая свой путь.

Наконец, мы подошли к массивным дверям белого с золотом дерева, возле которых, застыв как статуи, стояли два гренадера в высоких шапках. Личная половина Императрицы.

Сердце предательски забило где-то в горле. Все мои знания о Екатерине Великой сводились к школьной программе и паре исторических сериалов. Умная, безжалостная, любвеобильная, великий политик. Женщина, свергнувшая собственного мужа ради трона. Провести ее будет сложнее, чем перепуганного лекаря или суеверную служанку.

К нам навстречу вышел статный камергер с золотым ключом на голубой ленте.

— Княжна Анна Александровна, — он учтиво поклонился, но в его глазах читалось нескрываемое удивление. — Ее Императорское Величество ожидает вас.

Он махнул рукой, и гренадеры бесшумно распахнули тяжелые створки дверей.

Я отпустила руку Прасковьи, перехватила поудобнее трость. Глубокий вдох, от которого треснуло затянутое кружево на груди. Выдох.

«Ну что, Алиса. Покажи им, как играют девочки из двадцать первого века», — мысленно подбодрила я себя и, высоко подняв голову, шагнула в залитый светом кабинет.

Глава 4. Аудиенция. Игра в шахматы с Императрицей

Личный кабинет Государыни разительно отличался от помпезных, слепящих золотом коридоров Зимнего дворца. Здесь царил атмосфера деловой, сосредоточенной тишины. Воздух пах не приторными французскими духами, а дорогим табаком, сургучом, свежей типографской краской и... крепким кофе. Этот до боли знакомый, терпкий аромат из прошлой жизни едва не вышиб у меня слезу умиления.

Комната была просторной, со стенами, обитыми темным деревом и зеленым шелком. Вдоль них высились книжные шкафы, забитые фолиантами. Никаких легкомысленных амуров и фривольных картин — только карты, глобусы и строгие портреты.

В центре кабинета, за массивным письменным столом, заваленным бумагами, сидела женщина.

Екатерина Великая.

Мое сердце пропустило мучительный удар, а ладони, сжимающие набалдашник трости, мгновенно вспотели. В учебниках истории и на парадных портретах ее часто изображали холодной, монументальной богиней в короне. В реальности же передо мной сидела полная, статная дама средних лет в довольно простом (по меркам двора, разумеется) утреннем платье из фиолетовой тафты. На ее волосах не было сложной башни из локонов, лишь аккуратная напудренная прическа, прикрытая изящным кружевным чепцом.

Но стоило ей поднять от бумаг голову, как всякая иллюзия простоты испарилась. Ее глаза — пронзительно-синие, цепкие, умные — просвечивали насквозь. В этом взгляде была такая колоссальная, тяжелая власть, что мне на секунду захотелось сжаться в комок и спрятаться за широкую спину гвардейца. Это был взгляд генерального директора огромной корпорации под названием «Российская Империя». И сейчас этот директор оценивал свою воскресшую подчиненную.

У ног Императрицы лениво подняла голову изящная левретка, но, не издав ни звука, снова уткнулась носом в лапы.

— Ваше Императорское Величество, — я сделала глубокий вдох, подавляя дрожь в коленях, и начала медленно, плавно опускаться в глубокий придворный реверанс.

Корсет безжалостно впился в ребра, прострелив болью позвоночник. Трость скользнула по паркету, но я удержала равновесие, склонив голову так низко, что напудренные локоны коснулись шеи. Я замерла, не смея выпрямиться без разрешения.

Тишина в кабинете стала осязаемой. Только мерно тикали напольные часы в углу да шуршало перо — Государыня невозмутимо дописывала какую-то фразу. Каждая секунда в этой неудобной позе казалась вечностью. Мои бедра начали мелко дрожать от напряжения.

— Встань, Аннушка. Подойди ближе, — наконец раздался глубокий, с легкой, едва уловимой хрипотцой голос. В нем слышался мягкий немецкий акцент, который она так и не смогла изжить до конца.

Я с облегчением выпрямилась, опираясь на трость, и сделала несколько шагов к столу.

Екатерина отложила перо, изящным жестом открыла золотую табакерку, усыпанную бриллиантами, и, взяв щепотку нюхательного табака, вдохнула. Затем она скрестила пухлые руки на столешнице и впилась в меня взглядом.

— Доктора клялись мне, что ты не переживешь эту ночь, — медленно, словно пробуя слова на вкус, произнесла Императрица. — Твой пульс угасал, а жар сжигал тебя изнутри. Я уже приказала заказать заупокойную службу. И что же я вижу? Ты бледна, как полотно, но в глазах твоих больше жизни, чем у половины моего двора.

Она не спрашивала. Она провоцировала. Ждала моей реакции.

Прежняя Анна, вероятно, упала бы в обморок от благоговения или разрыдалась бы, благодаря за молитвы. Но я была Алисой. Девушкой, которой не раз приходилось защищать свои проекты перед суровыми инвесторами. Главное правило таких переговоров — не суетиться, говорить по существу и вызывать интерес.

— Видимо, Господь решил, что я еще не до конца послужила вашему величию, Государыня, — спокойно ответила я, глядя ей в лицо. Не в глаза — это было бы дерзостью, — а на переносицу, создавая иллюзию прямого, но почтительного контакта. — Смерть стояла у моего изголовья, это правда. Но я не пошла за ней.

Екатерина чуть приподняла красиво изогнутую бровь.

— Смелые речи для девочки, которая еще вчера бредила. Карл Богданович доложил мне, что лихорадка забрала твою память. Это так?

Вот он, тонкий лед.

— Мой разум словно разбитое зеркало, Ваше Величество, — я позволила легкой горечи проскользнуть в голос. — Я помню вас. Помню свое имя. Но лица многих придворных, события последних месяцев, пустые светские беседы... всё это смыло болезнью. Я чувствую себя так, словно родилась заново только сегодня утром.

— Родилась заново... — задумчиво эхом отозвалась Императрица. Она взяла со стола небольшую серебряную лупу и начала крутить ее в пальцах. — Быть может, это и к лучшему. Дворцовые сплетни — не та наука, которую стоит хранить в голове. Однако, амнезия — вещь опасная, Анна. Вокруг много стервятников, которые захотят воспользоваться твоей слабостью. Вчера они делили твои платья, а сегодня будут улыбаться тебе в лицо.

Она намекала на отравление? Или на дворцовые интриги в целом? Я сделала мысленную пометку: быть предельно осторожной с едой и питьем.

— Пусть улыбаются, Государыня, — я позволила себе легкую, холодную полуулыбку. — Улыбка — прекрасное оружие. Но теперь я знаю ему цену. Тот, кто побывал за чертой, перестает бояться теней.

Екатерина замерла. Серебряная лупа в ее руках перестала вращаться. Она смотрела на меня так, словно видела впервые. И в каком-то смысле так оно и было. Вместо наивной, послушной фрейлины, умеющей лишь вышивать гладью и хихикать на балах, перед ней стояла женщина с холодным рассудком и внутренней опорой.

— Подойди сюда, — приказала она более резким тоном.

Я подчинилась, обогнув край стола. Государыня протянула руку и крепко, совсем не женски, схватила меня за подбородок, поворачивая мое лицо к свету из окна. Ее пальцы пахли табаком и чернилами. Она изучала мое лицо с пристрастием хирурга.

— Болезнь стерла с тебя детскую припухлость, Одоевская, — удовлетворенно хмыкнула Императрица, отпуская мой подбородок. — Ты стала другой. Красота твоя теперь не сладкая, а... острая. Как клинок. Мне это нравится. При дворе слишком много сахарных кукол и слишком мало острых умов.

Она откинулась на спинку кресла, ее лицо смягчилось, вернув себе образ великодушной матушки-императрицы.

— Отдыхай, Аннушка. Набирайся сил. Через три дня я даю большой бал в честь приезда австрийского посланника. Я хочу видеть тебя там. В самом лучшем наряде. Пусть весь двор видит, что моя любимая фрейлина жива и здорова. Это собьет с толку многих... недоброжелателей.

— Для меня будет честью присутствовать, Ваше Величество, — я снова сделала реверанс, на этот раз чуть менее глубокий, но не менее изящный.

— И еще одно, — голос Екатерины настиг меня, когда я уже разворачивалась к дверям. — Раз уж твоя память чиста, как белый лист, тебе понадобится помощь, чтобы заново выучить фигуры на этой шахматной доске. Я пришлю к тебе человека. Он напомним тебе, кто есть кто при моем дворе. И кого стоит опасаться.

— Благодарю за вашу милость, Государыня.

Когда тяжелые створки дверей закрылись за моей спиной, отсекая меня от личных покоев Императрицы, я привалилась плечом к прохладной мраморной стене. Колени затряслись так сильно, что мне пришлось обеими руками опереться на трость.

Выдох. Я справилась. Я не просто не прокололась, я сумела ее заинтересовать. Величайшая женщина эпохи увидела во мне потенциал.

— Ваше Сиятельство, вам дурно? — тут же подскочила верная Прасковья, с тревогой заглядывая мне в лицо.

— Все прекрасно, Прасковья, — я перевела дыхание и выпрямилась, чувствуя, как адреналин медленно отступает, уступая место звенящему чувству победы. — Императрица была ко мне благосклонна. Идем в наши покои.

Мы медленно двинулись в обратный путь по бесконечным коридорам Зимнего дворца. Я была так погружена в свои мысли, анализируя каждое слово Екатерины и гадая, кого именно она собирается ко мне приставить, что совершенно перестала смотреть по сторонам.

Мой взгляд был устремлен на носки собственных туфелек, скользящих по паркету. В голове роились планы: нужно срочно проверить все свои вещи, выяснить, кто мог желать смерти Анне, и понять, какие политические течения сейчас бурлят во дворце.

Именно поэтому я не заметила высокую, затянутую в темный мундир фигуру, которая стремительно вывернула из-за угла боковой галереи.

Столкновение было неизбежным.

Я врезалась во что-то твердое, как гранитная скала. Моя трость с лязгом покатила по паркету. Я бы неминуемо рухнула на спину, запутавшись в собственных тяжелых юбках, если бы сильные мужские руки не сомкнулись на моей талии, рывком удерживая меня в вертикальном положении.

— Дьявол! — раздался над моей головой низкий, рычащий мужской голос. — Осторожнее, сударыня, вы же так и шею свернуть недолго...

Голос осекся. Мужские руки, закованные в белоснежные перчатки, замерли на моей талии (и я почувствовала их жар даже сквозь слои шелка и жесткий корсет).

Я вскинула голову, готовясь разразиться гневной тирадой за испорченную прическу, но слова застряли у меня в горле.

Передо мной стоял мужчина, от которого исходила почти физически ощутимая волна опасности и силы. Высокий, широкоплечий, брюнет. Его лицо было хищным, аристократичным, с резкими скулами и жесткой линией губ. Но больше всего поражали глаза — пронзительно-серые, холодные, как сталь клинка. И сейчас в этих глазах плескался нескрываемый шок.

Он смотрел на меня так, словно перед ним предстал выходец с того света.

— Княжна Одоевская? — выдохнул он, и его пальцы на моей талии сжались чуть крепче. — Живая?

Его взгляд быстро скользнул по моему лицу, задержался на пухлых губах, спустился к глубокому вырезу платья и снова вернулся к глазам. И в этот момент его шок сменился чем-то другим. Взгляд потемнел, стал оценивающим, острым и до дрожи пронизательным. Словно он мгновенно считал, что перед ним стоит не та кроткая девочка, которую он знал раньше.

Я поняла, что все еще нахожусь в его объятиях, непозволительно близко, прижатая грудью к его мундиру, от которого пахло морозом, дорогой кожей и терпким парфюмом.

— Отпустите меня, сударь, — ледяным тоном произнесла я, хотя внутри все внезапно вспыхнуло от этого близости. — Или в ваши обязанности входит калечить дам в коридорах дворца?

Мужчина усмехнулся. Хищно, уголком губ. Он медленно, словно нехотя, разжал руки и сделал шаг назад, плавно подхватывая с пола мою трость и протягивая ее мне.

— Прошу простить мою неуклюжесть, Ваше Сиятельство, — его голос стал бархатным, но в нем отчетливо слышалась насмешка. — Просто не каждый день встречаешь призраков, которые так язвительно разговаривают. Я — граф Куракин. И, кажется, Государыня прислала меня именно за вами.

Глава 5. Искры на мраморе и опасный провожатый

Мужчина усмехнулся. Хищно, лишь одним уголком губ. Он медленно, словно нехотя, разжал руки и сделал шаг назад, плавно подхватывая с пола мою трость и протягивая ее мне.

— Прошу простить мою неуклюжесть, Ваше Сиятельство, — его голос стал бархатным, глубоким, но в нем отчетливо слышалась скрытая насмешка. — Просто не каждый день встречаешь призраков, которые так язвительно разговаривают. Я — граф Александр Куракин. И, кажется, Государыня прислала меня именно за вами.

Куракин. Моя новая память, таинственным образом подкидывающая мне нужные факты, тут же услужливо выдала справку: человек исключительного ума, безграничного влияния и весьма опасной репутации. Один из самых доверенных людей Екатерины, ее глаза и уши там, куда не проникает свет парадных люстр.

Я выхватила трость из его затянутых в белую кожу пальцев, стараясь не коснуться его руки. От него пахло морозным ветром, дорогой оружейной смазкой и каким-то терпким, почти хищным парфюмом, от которого у меня по спине пробежали мурашки.

— Вы, должно быть, ошиблись, граф, — я вздернула подбородок, выдерживая его тяжелый, пронизывающий взгляд. — Государыня обещала прислать мне наставника, а не палача, сбивающего дам с ног в коридорах.

Брови Куракина удивленно поползли вверх. В его темно-серых глазах, холодных, как петербургский лед, мелькнула искра неподдельного интереса. Он скрестил руки на груди, обтянутой безупречно сшитым темно-зеленым мундиром, и склонил голову набок, изучая меня с откровенностью, граничащей с дерзостью.

— Палача? Какое интересное сравнение, Анна Александровна. Превенная княжна Одоевская при виде меня обычно скромно опускала ресницы и краснела, не смея вымолвить и слова. А вы... вы смотрите так, будто готовы проткнуть меня этой самой тростью.

Удар был точным. Он уже заметил разницу. Сердце предательски екнуло, но я заставила себя усмехнуться в ответ, вкладывая в эту улыбку всю надменность, на которую была способна.

— Болезнь многое во мне изменила, граф. Говорят, когда стоишь одной ногой в могиле, светские условности теряют свою привлекательность. У меня пропала память на лица и события, но, видимо, вместе с ней исчезла и излишняя робость.

— Амнезия, — Александр Куракин произнес это слово так, словно пробовал его на вкус. Он сделал медленный шаг ко мне, вторгаясь в мое личное пространство. Прасковья, стоявшая чуть поодаль, испуганно пискнула и вжалась в стену. — Карл Богданович в слезах поведал всему дворцу о вашем чудесном исцелении и трагической потере памяти. Как удобно, не находите? Забыть всех врагов, все интриги... все свои тайны.

Он нависал надо мной, высокий, широкоплечий, подавляющий своей аурой альфа-самца. В моем двадцать первом веке такие мужчины владели корпорациями и ездили на бронированных Майбахах. Здесь же они вершили судьбы империй одним росчерком пера.

— Если вам кажется это удобным, граф, рекомендую провести недельку-другую в горячем бреду, — парировала я, не отступая ни на миллиметр. — Поверьте, незабываемые впечатления. А теперь, если вы действительно тот самый человек, которого назначила Императрица, будьте добры, проводите меня в мои покои. Я устала.

Я развернулась к нему спиной, молясь, чтобы мои дрожащие колени не подвели меня на гладком паркете, и сделала шаг вперед.

— Как прикажете, Ваше Сиятельство, — раздался за спиной его вкрадчивый голос.

В следующее мгновение он поравнялся со мной и властно, не спрашивая разрешения, подставил свой локоть. Мне ничего не оставалось, кроме как опереться на его руку. Сквозь тонкую ткань моей перчатки и плотное сукно его мундира я чувствовала тепло его тела и стальные мышцы. Эта близость нервировала, будоражила, заставляла дышать чаще.

Мы шли по бесконечным галереям Зимнего дворца. Граф Куракин двигался бесшумно, по-кошачьи плавно, несмотря на свой рост и тяжелые форменные сапоги. Я старалась идти ровно, постукивая тростью в такт нашим шагам.

— Итак, раз уж я назначен вашим... компасом в мире придворных интриг, — нарушил тишину Александр, не глядя на меня, — с чего начнем? Хотите узнать, кто вчера вечером уже приценивался к вашим бриллиантовым серьгам, уверенный в вашей кончине? Или, быть может, вам напомнить о ваших нежных чувствах к князю Репнину?

Я чуть не споткнулась. Князь Репнин? Еще одна переменная в моем уравнении!

— Можете оставить сплетни при себе, граф, — процедила я, сохраняя невозмутимое выражение лица. — Если я забыла этого князя, значит, он не стоил места в моей памяти.

Куракин внезапно остановился, вынудив остановиться и меня. Мы стояли в нише огромного окна, выходящего на заснеженную Неву. Дневной свет падал на его лицо, подчеркивая резкий профиль и тонкий, едва заметный шрам, пересекающий левую бровь.

— Поразительно, — тихо произнес он, глядя на меня в упор. — Вы не помните Репнина. Вы не помните, что еще две недели назад вы умоляли Екатерину Алексеевну не выдавать вас

замуж за старого графа Строганова. Вы забыли всё. Но при этом... вы держите спину так, словно к ней привязали стальной прут. Вы смотрите прямо в глаза, хотя раньше ваш взгляд никогда не поднимался выше моего подбородка. Ваша речь... стала резкой, меткой, лишенной этой жеманной придворной патоки.

Он наклонился ко мне так близко, что я могла разглядеть крапинки в его серых радужках. Его дыхание коснулось моей щеки.

— Кто вы такая? — его шепот был опаснее крика. — И куда вы дели Анну Одоевскую?

Внутри меня все оборвалось и полетело в ледяную бездну. Он догадался. В первый же день, в первые же минуты разговора! Этот мужчина был дьявольски умен. Паника ледяными когтями сжала горло, но инстинкт самосохранения — тот самый инстинкт московской хищницы, выживающей в бетонных джунглях — заставил меня поднять голову еще выше.

Я медленно, грациозно высвободила свою руку из его локтя.

— Вы переходите границы, Александр, — я намеренно опустила его титул, делая тон интимным и угрожающим одновременно. — Лихорадка едва не сожгла мой мозг. Я провела несколько дней наедине со смертью. Если вы думаете, что после того, как вдыхаешь запах собственного тлена, можно остаться наивной дурочкой, пекущейся о цвете лент на платье — вы глупец. А вы, граф, на глупца не похожи.

Я подалась вперед, сокращая расстояние между нами до неприличия. Запах его парфюма закружил голову, но я заставила себя говорить ровно и холодно:

— Я та же Анна. Просто теперь я хочу жить. И если вам не нравится моя новая осанка или мой взгляд — это ваши проблемы. Государыня приказала вам быть моим наставником, а не инквизитором. Не разочаровывайте ее.

Я развернулась, взмахнув тяжелыми шелковыми юбками, и, опираясь на трость, зашагала по коридору, оставив его стоять в нише окна. Моя спина была прямой, походка — уверенной, но внутри я дрожала как осиновый лист.

Только оказавшись за спасительными дверями своих покоев, я позволила себе расслабиться. Прасковья, семенившая следом, тут же бросилась снимать с меня тяжелую мантилью, причитая о том, как я бледна.

— Воды, Даша, — хрипло попросила я, опускаясь в бархатное кресло и отбрасывая трость.

Выпив залпом стакан ледяной воды с лимоном, я закрыла глаза. Граф Александр Куракин. Красив, как падший ангел, умен, как бес, и опасен, как заряженный пистолет. Он будет искать малейшую оплошность. Он будет копать, пока не доберется до правды.

Но вспоминая жар его тела сквозь ткань мундира и то, как потемнели его глаза, когда он смотрел на мои губы, я вдруг поймала себя на странной мысли. Страх смешивался во мне с жгучим, непреодолимым предвкушением.

Шахматная партия началась. И, кажется, мой главный противник оказался чертовски привлекателен.

Глава 6. Сплетни, кружева и тайна ледяного графа

Остаток дня после встречи с Императрицей и столкновения с Александром Куракиным я провела в своих покоях, сославшись на слабость. На самом деле мне просто жизненно необходимо было побыть одной. Слишком много впечатлений, слишком много адреналина для тела, которое только-только оправилось от смертельной лихорадки.

Я сидела в глубоком кресле у пылающего камина, закутавшись в пушистую кашемировую шаль. В голове, словно на заезженной киноплёнке, раз за разом прокручивался момент нашего столкновения с графом. Я снова и снова чувствовала жар его тела сквозь сукно мундира, видела, как расширяются его зрачки, и слышала этот опасный, вкрадчивый шепот: «Кто вы такая?».

Он был слишком пронизателен. И чертовски, до дрожи в коленях, привлекателен.

От этих мыслей меня отвлек звонкий, как серебряный колокольчик, женский голос, раздавшийся из приемной:

— Прасковья, пусти немедленно! Государыня изволила сказать, что нашей Аннет стало лучше, а ты меня на пороге держишь, как приказчика с векселями!

Двери спальни распахнулись, и внутрь, словно экзотическая райская птичка, впорхнула девушка. На ней было невероятно пышное платье из нежно-розовой тафты, щедро украшенное гирляндами искусственных фиалок и водопадами валансьенских кружев. Ее пепельно-светлые волосы были уложены в сложную, но кокетливую прическу, а огромные голубые глаза сияли неподдельным восторгом.

— Аннет! Душа моя! Живая! — девушка бросилась ко мне, обдав волной аромата розовой воды и жасмина, и звонко расцеловала в обе щеки. — А мы-то уж все глаза выплакали! Весь двор только и шепчется о твоём чудесном воскрешении!

— Амалия... — имя само всплыло в моей голове, как по волшебству.

Графиня Амалия Строганова. Моя... то есть, Анны, ближайшая подруга при дворе. Фрейлина, известная своим легким нравом, любовью к нарядам и феноменальной способностью знать все обо всех. Идеальный источник информации для попаданки, потерявшей память!

— Амалия, как я рада тебя видеть, — я искренне улыбнулась, позволяя ей усесться на пуфик у моих ног. Девушка тут же сжала мои руки в своих, затянутых в тонкие митенки.

— Ты такая бледная, милая! Но этот мраморный оттенок тебе к лицу. Знаешь, княжна Софья вчера чуть не лопнула от зависти, когда узнала, что Государыня принимала тебя в личных покоях. Эта змея уже примеривалась к твоему месту в свите!

— Я слышала, что моя болезнь вызвала... некоторое оживление, — осторожно начала я, откидываясь на спинку кресла. — Признаться честно, Амалия, лихорадка сослужила мне дурную службу. Моя память... она словно решето. Я помню тебя, помню Императрицу, но многие вещи, лица, события... всё исчезло.

Амалия ахнула, прижав наманикюрные пальчики к пухлым губкам, на которых красовалась кокетливая мушка.

— Ах, бедняжка! Какое несчастье! — но в ее глазах, вопреки словам, вспыхнул настоящий охотничий азарт. Для главной сплетницы двора стать единственным проводником в мир интриг для потерявшей память подруги — это ли не джекпот? — Не тревожься, Аннет! Я буду твоими глазами и ушами. Я всё тебе расскажу! С чего начнем?

— Начни с того, кто сегодня вызвался быть моим провожатым от кабинета Императрицы, — я постаралась, чтобы мой голос звучал небрежно, но сердце предательски ускорило ритм. — Граф Куракин.

Амалия округлила глаза и театрально обмахнулась кружевным веером, который непонятно откуда возник в ее руке.

— Александр?! Сам «Ледяной граф» Куракин снизошел до роли провожатого? Мать Божья, Аннет, ты не перестаешь удивлять! Весь Зимний гудит о том, что вы шли по галерее, и искры между вами летели такие, что портьеры едва не загорелись!

— Глупости, — я хмыкнула, чувствуя, как предательски розовеют щеки. — Он просто чуть не сбил меня с ног, а потом решил проявить галантность. Кто он вообще такой, Амалия? Расскажи мне. Я чувствую, что он опасен.

Графиня Строганова подалась вперед, понизив голос до заговорщицкого шепота.

— Опасен — не то слово, дорогая. Александр Куракин и его младший брат Борис — самые завидные, самые богатые и самые недосыгаемые холостяки всей Империи. Их земли простираются от Москвы до самых окраин, а в подвалах их дворцов золота больше, чем в казне иного европейского короля.

— Холостяки? — я чуть приподняла бровь. В двадцать восемь лет (а Куракину на вид было именно столько) в восемнадцатом веке мужчины обычно уже имели жену и выводок наследников.

— Именно! — Амалия всплеснула руками. — Обе матушки их давно в могиле, а старый князь-отец не указ. За ними охотятся все маменьки Петербурга! Девушки падают в обморок, стоит Александру или Борису просто взглянуть в их сторону. Борис, конечно, помягче будет, весельчак, любит карты и вино. А вот Александр... Он как кремль. Говорят, у него вместо сердца кусок уральского малахита. Ни одна женщина не смогла задержаться в его спальне дольше, чем до рассвета.

Я вспомнила его стальной взгляд и то, как властно он удерживал меня за талию. Малахитовое сердце? Что-то мне подсказывало, что подо льдом этого графа бушует настоящий вулкан.

— Но их богатство — не самое главное, — продолжила Строганова, воровато оглянувшись на закрытые двери. — Братья Куракины — любимчики молодого двора. Они ближайшие друзья и поверенные цесаревича Павла Петровича.

Мой мозг, благодаря обрывкам исторических знаний из прошлой жизни, мгновенно сложил пазл. Цесаревич Павел. Сын Екатерины Великой. Сын, которого она не любила, которого отстранила от власти, убив его отца, Петра III. Между матерью и сыном шла тихая, но беспощадная холодная война. И если Куракины — люди Павла, то их положение при дворе Екатерины балансирует на острие ножа.

— Значит, Императрица приставила ко мне человека своего сына? — задумчиво протянула я. — Зачем ей это?

— В том-то и дело! Государыня держит Александра при себе, потому что он дьявольски умен. Он возглавляет негласный сыск, решает такие вопросы, от которых седеют министры. Она ему не доверяет до конца, но ценит его хватку. Быть рядом с ним — это как танцевать на пороховой бочке с зажженным факелом, Аннет!

— Я учту это, — пробормотала я, понимая, что вляпалась в игру с самыми высокими ставками. Если Александр догадается, что я из другого времени, он может использовать это как оружие. Впрочем... я тоже могу стать его слабостью.

Амалия, почувствовав, что тема политики нагоняет скуку, радостно переключилась на свое любимое занятие.

— Но довольно о Куракиных! Ты ведь ничего не помнишь, а при дворе такие страсти кипят! — она придвинулась еще ближе, глаза ее лихорадочно блестели. — Начнем с малого. Помнишь мадам де Ливень? Ту самую, что корчила из себя святошу? Так вот, третьего дня ее горничная проболталась, что мадам тайком принимает у себя молодого поручика Преображенского полка! Представляешь? Муж на маневрах, а у нее в спальне шпоры звенят!

Я невольно рассмеялась. Времена меняются, века идут, а суть человеческая остается прежней.

— А княжна Софья? — спросила я, вспомнив имя, которое Амалия упомянула в начале разговора. Интуиция подсказывала мне, что эту девицу стоит держать на радаре.

Лицо Строгановой скривилось в изящной гримасе отвращения.

— О, эта змея подколотная спит и видит, как бы затащить в постель графа Орлова, чтобы получить влияние на Императрицу. Но Орлов на нее даже не смотрит. Поэтому Софья переключилась на мелкие пакости. Я уверена, что это она нашептала Государыне, будто ты симулируешь слабость перед балом в прошлом месяце. Она тебя ненавидит, Аннет. Твоя красота для нее — как бельмо на глазу. Держись от нее подальше, особенно на грядущем балу. Говорят, она заказала себе платье из Неаполя, чтобы затмить всех.

— Пусть старается, — я равнодушно пожала плечами, хотя в уме сделала еще одну зарубку. Антагонистка определена. Выскочка Софья, мечтающая о власти. Что ж, посмотрим,

чье платье на балу произведет большой фурор — неаполитанский ширпотреб 18 века или вкус московского дизайнера, адаптированный под местные реалии.

Мы проболтали еще около часа. Амалия вывалила на меня тонну информации: кто с кем спит, кто кому должен в карты, какие ткани сейчас в моде и почему французский посол хромает на левую ногу.

Я слушала внимательно, запоминая, анализируя, составляя в голове сложную схему взаимоотношений этого блестящего, но насквозь прогнившего общества. Информация — это власть. И теперь у меня в руках были козыри.

Когда Амалия, сославшись на необходимость переодеться к ужину, упорхнула из моей комнаты, оставив после себя шлейф цветочных духов, я подошла к окну.

На Петербург опускались ранние зимние сумерки. Дворец зажигал огни, превращаясь в огромный сверкающий бриллиант на берегу замерзшей Невы.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Значит, Александр и Борис Куракины. Одинокие, властные, опасные фавориты нелюбимого наследника. И один из них почему-то решил, что именно он будет вести меня по этому минному полю дворцовых интриг.

«Ты сам напросился, Ледяной граф», — подумала я, и на моих губах заиграла дерзкая, предвкушающая улыбка.

Если он хочет играть в кошки-мышки, я с удовольствием приму вызов. Но в моем мире мышки давно научились загонять котов в ловушки. Бал через три дня станет моим первым настоящим выходом на эту сцену. И я клянусь, что сделаю все, чтобы граф Куракин забыл, как дышать, когда увидит меня.

Глава 7. Изумрудный триумф и танец на лезвии

Три дня до императорского бала пролетели в суете, которая свела бы с ума любую современную невесту перед свадьбой, но для двора восемнадцатого века была рутиной. Я же использовала это время, чтобы подготовить свое главное оружие — платье.

Когда Прасковья впервые извлекла из недр гардеробной тяжелый отрез великолепного изумрудного шелка, заказанный еще прежней Анной, я поняла: это оно. Но фасон, который предлагала придворная портниха, привел меня, как дизайнера с натренированным вкусом, в тихий ужас. Миллион рюшей, банты величиной с капустный кочан и кружева, за которыми совершенно терялась фигура.

— Отрезать, — безжалостно скомандовала я, вооружившись ножницами. Портниха схватилась за сердце, а Дарья заголосила, но я была непреклонна.

В моем родном двадцать первом веке балом правила элегантность и чистота линий. Я велела убрать всю лишнюю мишуру. Оставила лишь глубокое, чувственное декольте, жесткий корсет, подчеркивающий талию до невозможных девятнадцати дюймов, и широкую, гладкую юбку на фиксмах, которая струилась, как жидкий изумруд. На темном, насыщенном фоне ткани моя выбеленная кожа казалась фарфоровой, а фиалковые глаза приобрели колдовской, почти ведьминский оттенок. Никаких громоздких башен на голове — только гладко зачесанные наверх припудренные волосы, украшенные нитью бриллиантов, и пара тяжелых локонов, небрежно спадающих на длинную шею.

Минимализм. Дерзкий, вызывающий, кричащий об уверенности в себе.

Когда я шагнула в сверкающий тысячами свечей Большой тронный зал Зимнего дворца, разговоры у дверей на секунду стихли.

Я опиралась на свою трость скорее для антуража, чем от слабости. Зал ослеплял. Огромные зеркала от пола до потолка многократно отражали пламя хрустальных люстр, золото лепнины и пеструю толпу разряженных придворных. Воздух гудел от звуков настраивающихся скрипок, смеха и шелеста вееров.

— Аннет! Боже правый, ты выглядишь... — ко мне тут же подпорхнула Амалия в своем розовом облаке кружев. Она окинула меня потрясенным взглядом. — Это скандально просто! И скандально роскошно! Ни одного банта! Но глаз не отвести!

— Благодарю, душа моя, — я чуть усмехнулась, раскрывая свой черный бархатный веер. — Иногда, чтобы выделиться среди клумбы, нужно стать единственным гладким камнем.

— О, поверьте, вы скорее похожи на ядовитый плющ, Одоевская, — раздался сбоку медово-приторный, но сочащийся ядом голос.

Я медленно повернула голову. К нам приближалась девушка невероятной, но какой-то хищной красоты. Темные волосы, карие глаза, подведенные сурьмой, и платье... О, это была настоящая катастрофа из золотой парчи, красного бархата и тяжелой вышивки. То самое "неаполитанское чудо", о котором сплетничала Амалия.

Княжна Софья Ушакова. Моя главная "поклонница".

— Княжна Софья, — я присела в легком, едва уловимом реверансе, не сводя с нее насмешливого взгляда. — Рада видеть, что вы в добром здравии. И платье ваше... впечатляет. Столько золота я видела разве что на куполах Исаакиевской церкви.

Амалия за моей спиной издала сдавленный писк, прикрыв рот веером. Глаза Софьи сузились.

— Болезнь не пошла на пользу вашим манерам, Анна. Впрочем, чему удивляться? Сироте без роду и покровителей позволительно забываться, — Ушакова вздернула подбородок, гордо расправляя плечи. — А вот мне за манерами следить должно. Мой жених, граф Разумовский, правитель Малороссии, требует от будущей супруги безупречности. Сама Государыня благословила наш союз! В отличие от вас, моя судьба — управлять землями и блистать в обществе, пока вы будете довольствоваться ролью приживалки.

Граф Разумовский. Бывший фаворит Императрицы. Влиятельнейший человек, отхвативший себе в жены эту амбициозную гадуку. Понятно, откуда столько гонора.

— Передайте графу мои искренние поздравления, Софья, — я улыбнулась так сладко, что у самой зубы свело. — Главное, чтобы бескрайние степи Малороссии не наскучили ему так же быстро, как ваши речи. Говорят, мужчины, привыкшие к обществу великих женщин, — я сделала многозначительную паузу, намекая на Екатерину, — быстро устают от пустой позолоты.

Лицо Ушаковой пошло красными пятнами, испортив слой белил. Она открыла рот, чтобы выплюнуть очередную гадость, но внезапно ее взгляд скользнул за мое плечо, и вся спесь с нее мгновенно слетела. Она поспешно присела в глубоком реверансе.

— Ваше Сиятельство... — пролепетала она, захлопав ресницами.

Спиной я почувствовала приближение того самого человека, из-за которого последние три ночи спала отвратительно беспокойно. Воздух вокруг стал плотнее, запахло морозом и терпким парфюмом.

— Дамы, — низкий, бархатный голос графа Александра Куракина заставил мурашки пробежать вдоль моего позвоночника.

Я обернулась. И на секунду забыла, как дышать.

Если в мундире он выглядел опасным, то в парадном черном бархатном камзоле, расшитом серебром, он казался воплощением самого Дьявола. Белоснежное кружево жабо подчеркивало хищный разворот плеч и резкую линию подбородка. Его волосы не были густо напудрены, как у остальных модников, а лишь слегка присыпаны серебром и перехвачены черной лентой.

Он не смотрел на Софью. Он не смотрел на Амалию. Его тяжелый, раскаленный свинцовый взгляд был прикован ко мне. Он скользнул по гладкому изумрудному шелку, задержался на глубоком вырезе декольте, где билась жилка, и медленно поднялся к моим глазам. В его зрачках вспыхнуло такое откровенное, голодное восхищение, что у меня пересохло во рту.

— Вы позволите, княжна? — он не спрашивал разрешения у других дам, он просто оттеснил их одним своим присутствием.

— Вы явились, чтобы снова угрожать мне разоблачениями, Александр? — тихо, чтобы слышал только он, произнесла я, когда он подошел вплотную.

— Я явился, потому что заиграли полонез, Анна Александровна, — его губы изогнулись в опасной полуулыбке. Он протянул мне руку, затянутую в белоснежную перчатку. — И потому что ни один мужчина в этом зале не достоин прикасаться к вам сегодня. Кроме меня.

Эта властная, не терпящая возражений наглость должна была меня возмутить. Я должна была осадить его. Но вместо этого я вложила свои пальцы в его ладонь.

Едва мы вышли в центр зала, присоединяясь к другим парам, как мир вокруг перестал существовать. Музыка, шелест платьев, завистливые взгляды — все это отошло на второй план. Остался только он. Его рука, крепко сжимающая мои пальцы, его горячая ладонь, ложащаяся мне на талию сквозь жесткий шелк платья.

Танец в восемнадцатом веке был настоящим искусством флирта. Мы сходились и расходились, кланялись и скользили по паркету, но наши взгляды были сцеплены намертво.

— Ваше платье... оно бросает вызов всем устоям этого двора, — произнес Куракин, когда фигура танца заставила нас оказаться непозволительно близко. Его дыхание обожгло мою ключицу. — Впрочем, как и вы сами.

— Вы находите его неприличным, граф? — я чуть вскинула подбородок, позволяя ему рассмотреть свою шею.

— Я нахожу его сводящим с ума, — честно ответил он, и его пальцы на моей талии сжались так сильно, что я тихо охнула. — Кто вы? Я навел справки. Прежняя Анна Одоевская не обладала ни вашей дерзостью, ни вашим ледяным спокойствием, ни вашим вкусом. Она была милой, пустой куклой. Вы же... вы — хищница, играющая в куклы.

— Быть может, лихорадка сожгла куклу и оставила только суть? — я плавно обошла его, обмахиваясь веером, и снова вернулась в его руки. — Вы ищете заговор там, где его нет, Александр. Государыня приставила вас ко мне как наставника, а не как следователя тайной канцелярии.

— Я доверяю своим инстинктам, Анна. А они кричат мне, что вы — самая опасная тайна в этом дворце. И я намерен ее разгадать.

Музыка ускорилась. Он притянул меня ближе, нарушая все правила приличия придворного танца. Наши тела почти соприкоснулись. Я чувствовала твердость его мышц, жар, исходящий от его тела, и бешеный стук его сердца, который эхом отдавался в моей груди.

— Разгадывая чужие тайны, граф, смотрите, не потеряйте собственную голову, — прошептала я, глядя прямо в его штормовые глаза.

— Если эта голова падет к вашим ногам, Одоевская, — его голос стал хриплым, глубоким, пробирающим до самых костей, — я сочту это за честь.

Танец закончился. Мы замерли в финальном поклоне. Моя грудь тяжело вздымалась от нехватки воздуха (и корсет был в этом виноват лишь наполовину). Его глаза обещали мне ад и рай одновременно.

Именно в эту секунду я поняла, что влюбилась. Влюбилась в мужчину из прошлого века, умного, безжалостного и совершенно мне не подходящего. И эта любовь была в тысячу раз опаснее яда княжны Ушаковой или интриг Екатерины Великой. Потому что Александр Куракин не брал пленных. Он брал всё.

Глава 8. Яд в оранжерее и правила выживания

Когда смолкли последние аккорды полонеза, я чувствовала себя так, словно пробежала марафон. И дело было вовсе не в тяжести изумрудного шелка или безжалостной хватке корсета. Дело было в мужчине, чьи пальцы только что отпустили мою талию, оставив после себя фантомные ожоги.

Граф Куракин учтиво поклонился, поцеловал мою руку в перчатке — едва коснувшись губами, но так, что у меня перехватило дыхание, — и растворился в толпе, увлеченный каким-то министром. А я осталась стоять посреди сверкающего зала, чувствуя, как по венам пульсирует чистый адреналин.

— Аннет! — ко мне тут же пробилась Амалия, обмахиваясь веером с такой скоростью, что рисковала взлететь. Ее щеки пылали. — Весь зал только на вас и смотрел! Государыня изволила улыбнуться, когда вы проходили мимо ее кресла! А граф... Ах, Аннет, если бы взглядом можно было раздевать, ты бы уже стояла здесь в чем мать родила!

Я нервно рассмеялась, прикрыв лицо черным бархатным веером. Амалия даже не представляла, насколько была близка к истине.

— Мне нужен воздух, душа моя, — прошептала я, чувствуя, как от духоты, запаха пудры и плавящегося воска тысяч свечей начинает кружиться голова. — Я пойду в оранжерею. Побудь здесь, не нужно меня сопровождать.

Выскользнув из Тронного зала, я с наслаждением погрузилась в относительную прохладу и полумрак боковых галерей. Звуки бала остались позади, превратившись в приглушенный гул. Мои шаги по наборному паркету казались неестественно громкими.

Оранжерея Зимнего дворца оказалась настоящим тропическим раем, спрятанным посреди суровой петербургской зимы. За высокими, заиндевевшими окнами завывала метель, а здесь пахло влажной землей, цветущим жасмином и цитрусовыми. Огромные кадки с пальмами, лимонными и апельсиновыми деревьями создавали причудливые тени от немногочисленных светильников. Воздух был теплым и влажным, он приятно остужал разгоряченное лицо.

Я прошла вглубь аллеи, провела пальцами по гляцевому листку лимонного дерева и закрыла глаза, пытаясь успокоить сердцебиение. Александр Куракин был опасен. Он был умен, проницателен и, что самое страшное, он вызывал во мне физическую тягу, которой я, независимая девушка из двадцать первого века, совершенно не умела противостоять.

Но мои размышления прервал звук, донесшийся из-за массивных зарослей фикусов в другом конце оранжереи. Голоса. Тихие, напряженные, переполненные ядом.

Я инстинктивно замерла, вжавшись в тень, и прислушалась.

— Вы видели, как она на меня посмотрела?! — это был женский шепот, срывающийся на истеричное шипение. Я сразу узнала эти интонации. Княжна Софья Ушакова. — Выскочка! Бесприданница! Она смеет насмеяться надо мной, над будущей графиней Разумовской! А это платье? Да она выглядит как девка из портового трактира, нацепившая шелка своей госпожи!

— Тише, княжна, умоляю вас, стены имеют уши, — раздался в ответ угодливый, чуть гнусавый мужской голос. Звякнули шпоры. Военный.

— Пусть слушают, поручик! — фыркнула Софья, но голос все же понизила. — Александр Куракин не сводил с нее глаз. Сам Куракин! Он танцевал с ней, игнорируя всех остальных! Я не позволю этой воскресшей покойнице встать у меня на пути. Она слишком много на себя берет. Ее амнезия — наглая ложь, я уверена в этом.

— Что прикажете делать, Ваше Сиятельство? — в голосе поручика звучала собачья преданность. Видимо, красота (или влияние жениха) Ушаковой сделала его ее верным цепным псом.

— Ее нужно уничтожить, Залесский. И так, чтобы даже Императрица отвернулась от нее с отвращением.

Я затаила дыхание. Сердце застучало о ребра с такой силой, что мне показалось, они услышат. В моем мире конкурентки писали гадости в соцсетях или уводили клиентов. Здесь — ломали судьбы.

— Завтра после полудня двор выходит на променады в Летний сад, — чеканя каждое слово, зашептала Ушакова. — Одоевская слаба, она наверняка будет искать уединения в дальних аллеях. Вы проследите за ней, поручик.

— И что потом? — Залесский явно нервничал. — Убить любимую фрейлину Государыни? Это плаха, княжна!

— Идиот! — прошипела Софья. Послышался звук пощечины — видимо, она хлестнула его веером. — Кому нужна ее смерть? Ее нужно обесчестить! Вы настигнете ее в Кофейном домике или у старого грота. Порвете ей лиф, растреплете прическу. Я позабочусь о том, чтобы именно в этот момент там «случайно» оказалась статс-дама графиня Румянцева с парочкой самых болтливых матрон. Когда они увидят вас вдвоем, в растерзанном виде... Одоевская будет кончена. Скомпрометированная фрейлина — это позор для двора. Ее сошлют в самый дальний монастырь в Сибири до конца ее дней.

— А если она поднимет крик? Если скажет, что я напал?

— Скажете, что она сама вас заманила. Кто поверит девице с помутившимся рассудком? Скажете, что болезнь повредила ее разум, сделала похотливой. Я заплачу вам, Залесский. Заплачу столько, что вы сможете покрыть все свои карточные долги.

Повисла тяжелая пауза. Я стояла ни жива ни мертва, вцепившись побелевшими пальцами в деревянную кадучку с пальмой. Меня прошиб холодный пот. Сибирь. Монастырь. Пожизненное заключение в каменной келье. И всё это из-за уязвленного самолюбия завистливой девчонки!

— Я сделаю это, княжна, — наконец ответил поручик.

— Отлично. Идите. Нам нельзя появляться в зале вместе.

Я услышала удаляющийся стук каблучков Софьи и тяжелые шаги Залесского в противоположную сторону.

Только когда оранжерея снова погрузилась в тишину, прерываемую лишь журчанием маленького фонтана, я позволила себе выдохнуть. Меня трясло. Страх холодной змеей скрутился в животе. На секунду мне захотелось разрыдаться, побежать к Екатерине, броситься ей в ноги и рассказать о заговоре.

Но я тут же одернула себя. Кто я такая? Потерявшая память фрейлина против невесты всемогущего графа Разумовского. Доказательств нет. Мои слова против слов поручика. Ушакова выставит меня безумной истеричкой, у которой от лихорадки начались галлюцинации.

Я прикрыла глаза, глубоко вдыхая аромат лимонника.

«Ну уж нет, Софочка, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как страх уступает место холодной, концентрированной ярости. — Ты связалась не с той девочкой. В моем мире рейдерские захваты отбивали еще до завтрака. Хочешь поиграть в грязные игры? Я покажу тебе, как играет Москва».

План созрел в моей голове за доли секунды. Гениальный в своей простоте и жестокости. Ушакова хотела публичности? Она ее получит.

Я разгладила непокорные складки изумрудного шелка, поправила выбившуюся пудреную прядь, глядя в свое отражение в темном стекле окна. Губы изогнулись в хищной усмешке. Я больше не жертва.

Выйдя из оранжереи, я направилась не в бальный зал, а в малую дамскую гостиную, где почтенные матроны и фрейлины, уставшие от танцев, пили оршад и перемывали косточки остальному двору.

Я нашла взглядом Амалию, которая щебетала с двумя молоденькими княжнами, и приблизилась к ней, изображая крайнюю степень взволнованности.

— Амалия, душа моя, — я схватила подругу за руку, уводя ее чуть в сторону от чужих ушей, но так, чтобы нас все равно видели. — Мне так дурно... Я сейчас была в оранжерее, хотела подышать, и... Ах, мне даже стыдно об этом говорить!

Строганова мгновенно сделала стойку, как охотничья собака, почуявшая дичь. Ее глаза загорелись любопытством.

— Что случилось, Аннет? На тебе лица нет! Ты кого-то видела?

— Я... я слышала, — я понизила голос до прерывистого шепота, старательно изображая смущение. — Поручик Залесский... он говорил с кем-то в тени. Хвастался, представляешь! Сказал, что завтра во время променада в Летнем саду у него назначено тайное свидание в старом гроте. И не с кем-нибудь, а с дамой, чья помолвка вот-вот прогремит на весь Петербург! Он говорил, что она без ума от него и готова на все, лишь бы оттянуть свадьбу с нелюбимым стариком!

Амалия охнула, прижав руки к щекам. Ее мозг сплетницы моментально заработал, вычисляя жертву.

— Помолвка? Нелюбимый старик? Мать Божья, Аннет! Да ведь старый граф Разумовский старше княжны Ушаковой на тридцать лет! Неужели Софья... Неужели она крутит роман с этим нищим Залесским прямо перед свадьбой?!

— Я не называла имен, Амалия! — я испуганно прижала пальцы к губам. — Умоляю, забудь! Если это дойдет до Государыни... Это такой скандал! Пообещай мне, что ты никому не скажешь!

— Могила! — торжественно поклялась Строганова, но ее взгляд уже метался по гостиной, выбирая, к кому первому подойти с этой сногшибательной новостью.

Я отвернулась, пряча торжествующую улыбку за веером. Посеянное зерно взойдет уже к утру. Завтра весь двор будет тайком следить за каждым шагом Залесского и Ушаковой, ожидая подтверждения слухам. Софья сама выкопала себе яму. А я просто сделаю так, чтобы она в нее упала.

Возвращаясь в Тронный зал, я чувствовала себя совершенно иначе. Страх ушел, остался лишь холодный расчет. Я остановилась у колонны, окидывая взглядом пеструю толпу.

И тут я встретила с ним.

Александр Куракин стоял на противоположном конце зала, облокотившись о мраморный пилон. В руке он небрежно держал бокал с шампанским. Он не смотрел на собеседников, он смотрел только на меня. И в его стальном взгляде читалось что-то пугающе похожее на понимание.

Словно он видел насквозь и мою ярость, и мой страх, и мою маленькую победоносную интригу.

Я не отвела глаз. Я медленно, с достоинством подняла свой веер и прикрыла им половину лица, оставив лишь глаза, бросающие ему молчаливый вызов. «Смотри, Ледяной граф. Смотри внимательно. Потому что завтра будет по-настоящему жарко».

глава девятая

Глава 9. Гатчинский вызов и гнев Императрицы

Утро после бала началось поздно. Я проснулась оттого, что солнечный луч, пробившийся сквозь тяжелые шторы, настойчиво щекотал мне веки. Тело ныло после вчерашних танцев, а корсет, казалось, до сих пор сжимал ребра фантомной хваткой. Но хуже всего было в голове. Там царил полнейший хаос, и в центре этого хаоса царил образ графа Александра Куракина. Его стальной взгляд, жар его тела, его дерзкие, опасные слова...

«Если эта голова падет к вашим ногам, Одоевская, я сочту это за честь».

Я со стоном уткнулась лицом в подушку. Но влюбиться в такого человека было самоубийством. Умный, циничный, опасный, он видел меня насквозь. Или думал, что видел. И это притягивало меня к нему с силой, которой я не могла противостоять.

Мои размышления прервала Амалия, которая влетела в комнату, словно вихрь, обдав меня ароматом розовой воды и жасмина. На ней было утреннее платье из нежно-голубого шелка, и лицо ее так и сияло восторгом.

— Аннет! Проснись, спящая красавица! Весь Зимний только и говорит, что о тебе и Куракине! Вы были королем и королевой вчерашнего вечера!

Я села на кровати, поправляя растрепавшиеся волосы.

— Амалия, умоляю, не так громко. Глава раскалывается.

Строганова уселась на край кровати, сложив руки на коленях.

— Не притворяйся, дорогая. Ты сама видела, как он на тебя смотрел. Он влюблен, Аннет! "Ледяной граф" оттаял!

— Глупости, — я хмыкнула, чувствуя, как предательски розовеют щеки. — Он просто был галантен. И к тому же, Государыня приставила его ко мне как наставника.

— Наставника по танцам вплотную? — Амалия хихикнула. — Впрочем, не важно. Важно другое. Софья Ушакова рвет и мечет. Твой слух про Залесского распространился по дворцу со скоростью лесного пожара. Сегодня утром графиня Румянцева уже спрашивала у меня, не слышала ли я чего о помолвке, которая может расстроиться. Софья сегодня бледнее тебя после лихорадки, и на всех лакеев орет так, что те крестятся.

Я невольно улыбнулась. Первая маленькая победа. Но я знала, что Софья не сдастся так просто.

— Амалия, раз уж ты знаешь все обо всех, — я понизила голос, стараясь, чтобы он звучал небрежно. — Расскажи мне еще раз о графе Александре. Ты говорила, что они с братом любимчики молодого двора...

Лицо Строгановой мгновенно стало серьезным. Она воровато оглянулась на закрытые двери и приблизилась к моему уху.

— Именно так, Аннет. Но это... очень тонкий лед. Ты же помнишь, — она запнулась, вспомнив мою амнезию. — Нет, конечно, ты не помнишь. Отношения между Ее Императорским Величеством и Цесаревичем... скажем так, не самые теплые. Государь Павел Петрович живет в Гатчине, окружил себя верными людьми, муштрует свои полки и... ждет. А Куракины — его ближайшие друзья. Его тень.

Я почувствовала, как внутри все сжалось. Я знала из истории, что Екатерина Вторая не любила своего сына, боялась его и держала подальше от власти. И то, что мой Александр был его ближайшим другом...

— Говорят, — зашептала Амалия, — что Александр бывает у Цесаревича в Гатчине чуть ли не через день. Они там обсуждают что-то часами за закрытыми дверями. И Государыне это очень не нравится.

— Насколько сильно не нравится? — пробормотала я, чувствуя, как адреналин снова начинает пульсировать по венам.

— Сильно, Аннет. Очень сильно. Она держит Куракина при себе, потому что он ей нужен, но она не доверяет ему ни на грош. И если он оступится... если она почувствует, что от него исходит реальная угроза ее власти... Гатчинская пыль может быстро смениться сибирским снегом. И для Александра, и для всех, кто с ним связан.

Амалия ушла, оставив меня наедине с этими новостями. Я подошла к окну, глядя на заснеженную Неву. Зимний дворец казался мне сейчас не роскошным дворцом, а огромной, золотой клеткой, полной голодных хищников. И один из этих хищников — самый красивый и самый опасный — стал моим наставником. И я, кажется, была готова пойти за ним в самый ад.

Но размышлять мне не дали. Прасковья впорхнула в комнату, ее лицо было бледным и перепуганным.

— Ваше Сиятельство... Княжна Анна Александровна... Посыльный от Ее Императорского Величества!

Я мгновенно подобралась. После вчерашнего триумфа и этого танца... Государыня хотела меня видеть. И я чувствовала, что этот разговор не будет приятным.

Я велела Прасковье быстро приготовить мне платье из темно-бордового бархата. Оно было строгим, но элегантным, без лишних кружев, подчеркивающим серьезность моих намерений. Волосы мы гладко зачесали назад, украсив лишь простой жемчужной нитью. Я хотела выглядеть не как легкомысленная фрейлина, а как женщина, готовая держать удар.

Когда я вошла в Малый кабинет Государыни, Екатерина Алексеевна сидела за своим письменным столом, просматривая какие-то бумаги. Она не подняла головы при моем появлении. Тишина в кабинете была гнетущей, нарушаемой лишь скрипом пера по бумаге. Я присела в глубоком, почтительном реверансе и замерла, ожидая позволения выпрямиться.

Прошла минута. Другая. Ребра в корсете начали ныть, но я держала спину с такой гордостью, на которую только была способна.

Наконец Императрица отложила перо. Она медленно подняла голову и посмотрела на меня своим пронзительным, синим взглядом. В нем не было вчерашней мягкости. В нем была сталь и холод.

— Встань, Одоевская, — голос ее прозвучал глухо, с тем самым немецким акцентом, который становился сильнее, когда она была недовольна.

Я выпрямилась, опираясь на свою трость.

— Вчера ты была королевой бала, — произнесла Екатерина, не сводя с меня глаз. — Изумрудное платье без рюшей... Оригинально. Смело. Весь двор только и говорит, что о твоём вкусе. И о твоём танце с графом Куракиным.

Она сделала паузу, словно давая мне возможность оправдаться. Но я молчала. Я знала, что любое мое слово может быть использовано против меня.

Екатерина взяла со стола золотую табакерку и принялась вертеть ее в пальцах.

— Граф Александр — дьявольски привлекательный мужчина, не так ли? Умный, властный... "Ледяной граф". Ты решила, что сможешь растопить этот лед, Аннушка?

Я сделала глубокий вдох, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Ваше Величество, я всего лишь выполнила ваш приказ. Вы приставили графа ко мне как наставника. И я... я учусь.

Екатерина хмыкнула. Острый, сухой звук, похожий на треск льда.

— Наставника... Именно так. Я приставила его к тебе, чтобы он помог тебе заново выучить фигуры на шахматной доске. Но не для того, чтобы ты сама стала фигурой в его игре.

Она подалась вперед, и ее лицо оказалось пугающе близко. В ее глазах плясали недобрые огоньки.

— Ты знаешь, откуда у графа Куракина такая бледность и этот холодный взгляд, Одоевская? Это гатчинский стиль. Мой сын Цесаревич Павел Петрович души в нем не чаёт. Они проводят часы за закрытыми дверями, обсуждая... Впрочем, не важно, что они обсуждают.

Екатерина Алексеевна откинулась на спинку кресла. Ее лицо снова стало непроницаемым, величественным.

— Говорят, что Александр бывает у Цесаревича через день. И я, как мать, должна радоваться такой преданности. Но я, как Императрица, должна быть осторожной. В Гатчине дуют холодные ветры, Аннушка. И тот, кто слишком долго дышит этим воздухом, может замерзнуть навсегда.

Она сделала паузу, и каждая секунда в этой тишине казалась вечностью. Я чувствовала, как по спине пробегают мурашки. Это было предупреждение. Прямое, недвусмысленное предупреждение.

— Я приставила графа Куракина к тебе как наставника, Анна. И я хочу, чтобы он выполнял свои обязанности. Здесь, в Зимнем дворце. А не в Гатчине. Ты поняла меня?

— Я поняла вас, Ваше Императорское Величество, — я снова присела в реверансе, стараясь, чтобы голос звучал покорно.

— Можешь идти. И передай своему наставнику, что я жду его у себя завтра пополудни. У меня есть к нему пара вопросов касательно... шахматной стратегии.

Когда я вышла из кабинета, отсекая себя от личных покоев Императрицы, я привалилась плечом к прохладной мраморной стене. Меня трясло. Гатчинский сплин. Гнев Екатерины. И я в центре этого любовного и политического треугольника. Шахматная партия стала смертельно опасной. И я только что поняла, что в этой партии я — самая главная ставка. И что в этой партии я — самая главная ставка. И, кажется, я уже готова рискнуть всем ради своего Ледяного графа.

глава десятая

Глава 10. Братья по крови

После аудиенции у Императрицы я чувствовала себя так, словно по моей душе проехался кавалерийский полк. Гнев Екатерины был осязаемым, холодным, как невский лед, и я, кажется, стала главной мишенью в этой шахматной партии, где ставкой была не просто корона, а жизни. Предупреждение насчет Гатчины звенело в моих ушах, смешиваясь с безумным стуком собственного сердца, которое предательски ускоряло ритм при каждом воспоминании о стальном взгляде графа Александра Куракина.

Остаток дня я провела в своих покоях, сославшись на слабость — что в этот раз было почти правдой. Двор замер в предвкушении Сибири для Софьи, но меня это уже мало волновало. Настоящая опасность исходила не от завистливой фрейлины, а от той бездны, в которую я добровольно шагнула, влюбившись в Ледяного графа.

На следующее утро я заставила себя встать. Прасковья, видя мою бледность, суежилась с еще большим рвением.

— Ваше Сиятельство, Анна Александровна, вам нужно покушать! Вот, горячий бульон, лекарь строго-настрого велел!

Я сделала несколько глотков, глядя в окно. Снег все шел, укрывая Петербург пушистым одеялом, скрывая под ним всю грязь и интриги Зимнего дворца. Моя новая жизнь была прекрасна снаружи, но внутри она была пропитана страхом и ложью.

— Барышня, дозволейте доложить! — Дарья, моя сенная девка, робко заглянула в спальню. — Там... граф Куракин пожаловал. Просят принять.

Мое сердце сделало кульбит и замерло где-то в районе горла. Александр. Он пришел. Снова. Нарушая все правила, все условности, он шел напролом, как хищник, почуявший добычу.

— Впусти, — хрипло произнесла я, выпрямляя спину и мысленно благодаря корсет за то, что он держит меня в вертикальном положении.

Александр вошел, как всегда, бесшумно, по-кошачьи плавно. На нем был парадный мундир Кавалергардского полка — зеленый с золотым шитьем, подчеркивающий хищный разворот плеч. Он не был напудрен, и его темные, чуть растрепанные волосы серебрились от уличного мороза. От него пахло снегом, дорогой кожей и тем самым терпким парфюмом, от которого у меня кружилась голова.

Он не был один.

— Прошу простить за столь ранний визит, Ваше Сиятельство, — его голос был бархатным, глубоким, пробирающим до самых костей. Но в нем больше не было той насмешки, что в нашу первую встречу. Было что-то другое. Беспокойство? Жажда? — Я слышал, Государыня была к вам... благосклонна.

Я усмехнулась, чувствуя, как внутри вспыхивает та же ярость, что и в кабинете Императрицы.

— "Благосклонна" — не то слово, граф. Она была в восторге. Особенно от нашей... шахматной стратегии.

Я сделала многозначительную паузу, и Александр чуть прищурил свои темно-серые глаза. Он понял. Он все понял. Мы стояли друг напротив друга, разделенные не только условностями восемнадцатого века, но и пропастью времени, и в воздухе между нами летели невидимые искры.

— Я пришел не один, — Куракин сделал шаг в сторону, освобождая проход для молодого человека, который все это время стоял у него за спиной. — Позвольте познакомить вас, Анна Александровна. Мой младший брат, князь Алексей. Он только что вернулся из Гатчи... — Александр осекся, и на его лице мелькнула тень раздражения. — Из Германии, — поспешно исправился он.

Я с любопытством перевела взгляд на младшего Куракина. Он был полной противоположностью своему старшему брату. Александр — падший ангел, хищник, воплощение опасности и силы. Алексей — скромный, миловидный юноша, круглолицый, с копной напудренных по моде волос, которые все равно топорщились в разные стороны. У него был чуть курносый нос и огромные, наивные голубые глаза, которые смотрели на мир с детским восторгом. На нем был скромный камзол темно-синего сукна, и он, кажется, чувствовал себя не в своей тарелке в роскошных дворцовых покоех.

— Ваше Сиятельство... Княжна Анна Александровна... — пролепетал Алексей, густо краснея до корней волос и отвешивая мне неуклюжий, но искренний поклон. — Это... это такая честь! Я... я много слышал о вашей... чудесной лихорадке!

Он замолчал, испуганно захлопав ресницами, видимо, понимая, что брякнул что-то не то. Я невольно улыбнулась. Этот мальчик был таким настоящим, таким живым на фоне этого накрахмаленного и фальшивого двора.

— Алексей провел последние три года в Лейденском университете, — пояснил Александр, глядя на брата с мягкостью, которую я никогда не ожидала увидеть на его лице. — Учился медицине и философии. Наш старый князь-отец хотел, чтобы из него вышел ученый.

— Это было восхитительно! — глаза Алексея засияли. Он подался вперед, забывая о робости. — Германия — это нечто невероятное! Камерариус, Ван Свитен... Мы обсуждали Новую Атлантиду Бэкона и возможность... — он снова запнулся, бросив испуганный взгляд на брата. — И... и много всего интересного!

Я рассмеялась. Искренне, тепло. Этот мальчик напоминал мне моих студентов из прошлой жизни, увлеченных наукой и готовых спорить часами о вещах, которые никому не нужны.

— Я рада за вас, Алексей, — я протянула ему руку, и он бережно принял ее, замирая от благоговения. — Знание — это величайшее сокровище. Особенно в нашем мире, где так много лжи и притворства.

Алексей стоял, держа мою руку в своих, и не смел пошевелиться. Его голубые глаза были прикованы к моему лицу, и в них читалось не просто восхищение, а что-то большее. Нечто чистое, наивное, совершенно детское... и смертельно опасное для нас всех.

Он влюбился. С первого взгляда, с первого слова, с первой улыбки. Он влюбился в меня, в женщину с колдовскими фиалковыми глазами, в фрейлину Императрицы, в женщину, чье сердце уже принадлежало другому.

Я почувствовала это так ясно, словно он закричал об этом на весь Зимний дворец. И я почувствовала, как по моей спине пробежал холодок. Наша шахматная партия только что стала любовным треугольником. И, кажется, в этой партии я — самая главная ставка.

Александр, стоявший чуть поодаль, внимательно наблюдал за нами. Я не видела его лица, но чувствовала, как воздух вокруг него сгустился, стал горячим и напряженным. В его взгляде больше не было той мягкости, что к брату. Было что-то другое. Угроза? Ревность? Жажда?

— Ну что ж, наставничество началось, граф? — я медленно высвободила свою руку из ладони Алексея и посмотрела прямо в стальные глаза Александра. — Вы принесли мне фигуры

на шахматной доске. А теперь, будьте добры, научите меня, как ими играть. И кого мне стоит опасаться в этой игре.

Мы стояли друг напротив друга, разделенные не только условностями восемнадцатого века, но и пропастью времени, и в воздухе между нами летели невидимые искры. Наша шахматная партия любовного треугольника любовной страсти любовного треугольника началась. И, кажется, в этой партии я — самая главная ставка.

Глава 11. Товар лицом и воля Государыни

Следующие два дня прошли в Зимнем дворце под знаком «Великого исхода Софьи Ушаковой». Сплетня, запущенная мной с легкой руки Амалии, сработала безупречно. Двор смаковал подробности несостоявшегося свидания княжны с нищим поручиком прямо перед ее свадьбой с могущественным графом Разумовским. Императрица, ненавидевшая скандалы, порочащие ее фаворитов (пусть и бывших), пришла в ярость.

Софью, бледную, с застывшим ужасом в глазах, спешно услали в ее дальнейшее имение под конвоем. О поимке Залесского ничего слышно не было — видимо, Ушакова успела предупредить своего пса, и тот сбежал, но это меня уже мало волновало. Главная угроза была устранена. Я могла бы торжествовать, если бы не липкое предчувствие новой, куда более серьезной опасности, нависшей надо мной.

Мои отношения с братьями Куракиными замерли в хрупком, звенящем равновесии. Александр, выполняя роль наставника, бывал у меня ежедневно, но держался подчеркнуто холодно и официально. Он рассказывал мне о придворных раскладах, о том, кому стоит доверять (никому), и кого стоит опасаться (всех), но его взгляд при этом оставался стальным, непроницаемым. И лишь иногда, когда наши руки случайно соприкасались, я чувствовала, как сквозь этот лед пробивается сжигающий жар, от которого у меня перехватывало дыхание.

Алексей, напротив, был воплощением искренности и обожания. Он заваливал меня букетами фиалок (моих любимых, как он узнал!), читал стихи немецких романтиков и смотрел на меня с таким преданным восторгом, что мне становилось не по себе. Я видела, что этот скромный, увлеченный наукой юноша влюбился в меня по-настоящему, с той первой, наивной страстью, которая бывает только в двадцать лет. И это знание тяготило меня, потому что я знала, что мое сердце уже принадлежит другому — его опасному, Ледяному брату.

Но все наши любовные и политические переживания померкли перед тем событием, которое Императрица запланировала на сегодняшний день.

В Зимнем дворце был объявлен Большой выход в Тронный зал. Это было официальное мероприятие, на котором Государыня принимала прошения, выслушивала доклады и делала важные заявления. И я, как ее любимая фрейлина, обязана была присутствовать там в полном блеске.

Прасковья с раннего утра суетилась над моим нарядом. Сегодня я должна была выглядеть безупречно.

— Ваше Сиятельство, Анна Александровна, — щебетала служанка, затягивая на мне корсет. — Вы только посмотрите, какое чудо! Платье из нежно-персикового шелка, расшитое серебром! Как оно подчеркивает вашу фарфоровую кожу! А декольте... Ах, Ваше Сиятельство, все кавалеры сегодня будут у ваших ног!

Я посмотрела на свое отражение в зеркале. Персиковый шелк, струящийся, как жидкий атлас, жесткий корсет, стянувший талию до невозможных восемнадцати дюймов, и бездна кружев в глубоком декольте. Волосы были высоко подняты и щедро напудрены, украшены жемчугом и пером. Я выглядела как драгоценная фарфоровая кукла, выставленная на продажу в витрине самого дорогого магазина Петербурга.

«Именно так оно и есть, — подумала я, и на моих губах заиграла дерзкая, хищная усмешка. — Я товар. Самый дорогой товар на этом празднике жизни. И сегодня Императрица намерена выставить меня на торги».

Тронный зал Зимнего дворца был залит светом тысяч свечей, отражающимся в зеркалах и позолоте. Гул голосов, смех, шуршание шелка и стук каблуков сливались в единую симфонию светской жизни. Двор Зимнего дворца был в сборе. Мундиры всех цветов радуги, платья, затмевающие своей роскошью драгоценности, напудренные парики и веера, обмахивающие разгоряченные лица.

На возвышении, на золотом троне, сидела Екатерина Великая. На ней было торжественное платье из фиолетового бархата, расшитое бриллиантами, а на голове сияла Малая императорская корона. Ее лицо было непроницаемым, величественным, но в синих глазах плясали опасные огоньки.

Я встала в ряду фрейлин, чуть позади Императрицы, и окинула взглядом зал. Мое сердце екнуло, когда я увидела их.

Братья Куракины стояли у одной из колонн. Александр — в парадном мундире, хищный, опасный, Ледяной граф, от которого исходила волна силы и власти. Алексей — скромный, круглолицый юноша, в камзоле Лейденского университета, который смотрел на меня с таким восторгом, что мне хотелось провалиться сквозь паркет.

Александр встретился со мной взглядом. На секунду его стальные глаза потемнели, в них вспыхнуло то же голодное восхищение, что и на балу, но он тут же взял себя в руки, и его лицо снова стало непроницаемой маской.

— Итак, — глубокий, величественный голос Екатерины заставил зал мгновенно затихнуть. — Мы собрали вас здесь, чтобы сделать важное заявление. Здоровье нашей любимой фрейлины, княжны Анны Одоевской, полностью восстановлено после тяжелой лихорадки. Это чудо, Истинное чудо Господне, — она сделала паузу, и по залу прошел волна потрясенного шепота. — И мы, как любящая матушка-императрица, должны позаботиться о ее будущем. Девиче ее лет и красоты негоже оставаться без покровительства.

У меня пересохло во рту. Я чувствовала, как по спине пробегают мурашки. Это было оно. То самое «покровительство», о котором предупреждал меня Александр.

— Мы долго думали и выбирали, — продолжила Екатерина, и ее взгляд скользнул по рядам кавалеров, заставляя многих из них побледнеть. — И наконец, нашли достойного жениха. Того, кто сможет оценить хрупкую красоту нашей Аннушки и обеспечить ей достойную жизнь.

Она сделала знак рукой, и из толпы придворных, тяжело опираясь на трость, вышел мужчина.

У меня перехватило дыхание, а в глазах потемнело. Жених. Это был не молодой офицер, не богатый наследник. Это был старик.

Князь Семен Петрович Голицын. Ему было на вид лет семьдесят. Сморщенное лицо, покрытое слоем белил, напудренный парик, который съехал набок, и трясущиеся руки, сжимающие набалдашник трости. На нем был роскошный камзол из изумрудной парчи, щедро расшитый бриллиантами, но этот блеск лишь подчеркивал его старость и дряхлость. От него пахло камфорой, старым табаком и каким-то терпким, приторным парфюмом, от которого у меня мгновенно запершило в горле.

Я вспомнила своего дедушку из прошлой жизни. Он был моложе этого князя и выглядел куда бодрее. А мне... мне предстояло стать женой этого дряхлого старца.

— Князь Голицын — один из самых богатых и влиятельных людей Империи, — произнесла Императрица, и на ее губах заиграла дерзкая, хищная усмешка. — Его состояние бескрайне, а земли простираются до самых окраин. Он готов обеспечить Анне достойную жизнь, окружить ее роскошью и заботой. И мы, как любящая матушка-императрица, благословляем этот союз.

По залу прошел волна потрясенного шепота. Все знали, что Голицын — старый, но баснословно богатый скряга, который пережил уже трех жен. И то, что Императрица выдает за него свою любимую фрейлину, было скандалом.

Я стояла, обхватив себя руками за тонкие плечи, и чувствовала, как мир вокруг меня рушится, разлетаясь на миллион сверкающих осколков. Сибирь. Монастырь. Пожизненное заключение в каменной келье. Это казалось мне сейчас сказкой по сравнению с тем адом, который уготовила мне Государыня. Быть женой этого дряхлого старца, делить с ним постель, дышать его запахом... Это было хуже смерти.

Я не была Анной Одоевской, послушной фрейлиной восемнадцатого века. Я была Алисой из Москвы двадцать первого века. Девушкой, которой не раз приходилось защищать свои проекты перед суровыми инвесторами. Девушкой, которая привыкла сама распоряжаться своей судьбой. И я не собиралась сдаваться так просто.

Я подняла голову, распрямив спину с такой гордостью, на которую только было способно это хрупкое тело, и посмотрела прямо в синие глаза Императрицы. Холодно. Высокомерно. С той самой хищной усмешкой, которой я научилась у нее.

— Это... это такая честь, Ваше Императорское Величество, — я присела в легком, едва уловимом реверансе, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Но я... я не знаю, как выразить свою благодарность за вашу... заботу.

Я сделала многозначительную паузу, и Екатерина чуть прищурила свои темно-синие глаза. Она поняла. Она все поняла. Это был вызов. Искры, которые летели между нами в кабинете, снова вспыхнули, но на этот раз — в присутствии всего двора.

— Выразишь ее, когда станешь графиней Голицыной, Аннушка, — сухо ответила Императрица, и на ее губах заиграла та же хищная усмешка. — А теперь — иди. Князь ждет тебя.

Я повернулась, молясь, чтобы мои дрожащие колени не подвели меня на гладком паркете, и сделала шаг вперед.

— Позвольте, Ваше Императорское Величество, — раздался за моей спиной низкий, бархатный голос Александра Куракина.

В следующее мгновение он поравнялся со мной и властно, не спрашивая разрешения, подставил свой локоть. Мне ничего не оставалось, кроме как опереться на его руку. Сквозь тонкую ткань моей перчатки и плотное сукно его мундира я чувствовала тепло его тела и стальные мышцы. Эта близость нервировала, будоражила, заставляла дышать чаще.

Мы шли по бесконечным галереям Зимнего дворца. Граф Куракин двигался бесшумно, по-кошачьи плавно, несмотря на свой рост и тяжелые форменные сапоги. Я старалась идти ровно, постукивая тростью в такт нашим шагам.

— Итак, — нарушил тишину Александр, не глядя на меня. — Счастливая невеста. Небесно-персиковый шелк без рюшей... Оригинально. Смело. Все кавалеры сегодня были у ваших ног. Кроме одного.

Удар был точным. Он ревновал. Сердце предательски екнуло, но я заставила себя усмехнуться в ответ.

— И кто же этот несчастный, граф? — я вложила в эту улыбку всю надменность, на которую была способна.

— Тот, кто не достоин прикасаться к вам сегодня, Анна Александровна. Тот, кто предпочел бы сжечь этот дворец, чем видеть вас женой этого дряхлого старца.

Он остановился, вынудив остановиться и меня. Мы стояли в нише огромного окна, выходящего на заснеженную Неву. Дневной свет падал на его лицо, подчеркивая резкий профиль и тонкий, едва заметный шрам, пересекающий левую бровь.

— Вы играете в опасные игры, Одоевская, — тихо произнес он, глядя на меня в упор. — Вызов Императрице в присутствии всего двора... Это Сибирь. Монастырь. Пожизненное

заклучение в каменной келье. И ради чего? Ради того, чтобы доказать мне, что вы — не та наивная девочка, которую я знал раньше?

Он наклонился ко мне так близко, что я могла разглядеть крапинки в его серых радужках. Его дыхание коснулось моей щеки.

— Я знаю, кто вы, Анна. И я знаю, чего вы хотите. Вы хотите власти. Вы хотите роскоши. Вы хотите этого напыщенного бездельника Алексея, который смотрит на вас как на богиню.

— А вы? — я подалась вперед, сокращая расстояние между нами до неприличия. Запах его парфюма закружил голову. — Чего хотите вы, Александр? Разгадать мою тайну? Или... владеть ею?

Александр замер. Серебряная лупа в его руках перестала вращаться. Он смотрела на меня так, словно видела впервые. И в каком-то смысле так оно и было. Вместо наивной, послушной фрейлины передо ним стояла женщина с колдовскими фиалковыми глазами, женщина, которая привыкла сама распоряжаться своей судьбой.

— Я хочу одного, Анна, — его шепот был опаснее крика. — Чтобы эта дряхлая руина-Голицын никогда не прикасался к вам. И чтобы эта фарфоровая кукла, которой вы стали сегодня, принадлежала только мне.

Он наклонился к моим губам, и я почувствовала жар его тела сквозь слои шелка и жесткий корсет. Это был вызов. Искры, которые летели между нами в кабинете, снова вспыхнули, но на этот раз — в присутствии всего двора.

Но размышлять мне не дали. Прасковья впорхнула в нишу окна, ее лицо было бледным и перепуганным.

— Ваше Сиятельство... Анна Александровна... Посыльный от Ее Императорского Величества!

Я мгновенно подобралась. После вчерашнего триумфа и этого танца... Государыня хотела меня видеть. И я чувствовала, что этот разговор не будет приятным.

Я велела Прасковье быстро приготовить мне платье из темно-бордового бархата. Оно было строгим, но элегантным, без лишних кружев, подчеркивающим серьезность моих намерений. Волосы мы гладко зачесали назад, украсив лишь простой жемчужной нитью. Я хотела выглядеть не как легкомысленная фрейлина, а как женщина, готовая держать удар.

Когда я вошла в Малый кабинет Государыни, Екатерина Алексеевна сидела за своим письменным столом. Я присела в глубоком, почтительном реверансе и замерла, ожидая позволения выпрямиться.

Наконец Императрица отложила перо. Она медленно подняла голову и посмотрела на меня своим пронзительным, синим взглядом. В нем не было вчерашней мягкости. В нем была сталь и холод.

— Встань, Одоевская, — голос ее прозвучал глухо, с тем самым немецким акцентом, который становился сильнее, когда она была недовольна.

Я выпрямилась, опираясь на свою трость.

— Вызов Императрице в присутствии всего двора... Оригинально. Смело. Все кавалеры сегодня были у ваших ног. Кроме одного. И именно этот кавалер сейчас стоит у ваших дверей.

Она сделала паузу, словно давая мне возможность оправдаться. Но я молчала. Я знала, что любое мое слово может быть использовано против меня.

Екатерина Алексеевна взяла со стола золотую табакерку и принялась вертеть ее в пальцах.

— Граф Александр Куракин — не для тебя. Ты поняла меня?

— Я поняла вас, Ваше Императорское Величество, — я снова присела в реверансе, стараясь, чтобы голос звучал покорно.

— Можешь идти.

Глава 12. Дары Кощея и золотые цепи

Путь от Тронного зала до моих покоев казался бесконечным. Я не помнила, как миновала анфилады, как кивала в ответ на фальшивые, сочувственно-завистливые улыбки фрейлин и ехидные шепотки за спиной. Мой мозг, привыкший в прошлой жизни просчитывать сложные проекты и выходить из кризисных ситуаций, сейчас буксовал, отчаянно пытаюсь найти выход из ловушки, в которую меня загнала Государыня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.